

Министерство культуры Республики Крым
ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»

VI научно-практическая конференция
«ДНИ РИШЕЛЬЕ В ГУРЗУФЕ»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ялта 2019

Министерство культуры Республики Крым
ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»

VI научно-практическая конференция
«ДНИ РИШЕЛЬЕ В ГУРЗУФЕ»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ялта
2019

УДК 94(47)
ББК 94.31
Д 54

*Публикуется по решению Научно-методического совета
ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»*

Ответственный редактор: Т. В. Джакаева
Научный редактор: О. О. Пернацкая
Составители: Т. В. Джакаева, Л. В. Савостьянова
Редакторы: Л. П. Авдоница, Л. В. Савостьянова, Ю. Г. Долгополова

Д 54 **VI научно-практическая конференция «Дни Ришелье в Гурзуфе»
(2019): сборник научных трудов /** Под ред. О. О. Пернацкой и др. —
Ялта: Крымский литературно-художественный мемориальный музей-
заповедник, 2021. — 80 с.
ISBN 978-5-6046175-4-0

В сборнике представлены материалы VI научно-практической конференции «Дни Ришелье в Гурзуфе», состоявшейся 21 сентября 2019 года в Музее А. С. Пушкина в Гурзуфе и посвящённой памяти герцога Ришелье, внёсшего большой вклад в развитие и процветание Крыма. Затронуты также вопросы влияния крымских французов на культурную и экономическую жизнь полуострова, дана оценка деятельности многих известных людей того времени и их влияния на культуру и экономику Крыма.

Для филологов, историков, краеведов, сотрудников музеев и всех, интересующихся историей и культурой Крыма.

УДК 94(47)
ББК 94.31

Адреса для переписки:
Музей А. С. Пушкина
Республика Крым, пгт Гурзуф, ул. Набережная, 3
info@yaltamuseum.ru

ISBN 978-5-6046175-4-0

© Коллектив авторов, 2021
© ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник», 2021
© ИП Пинчук А. В., макет, оформление, 2021

Содержание

Музей в научном и социокультурном пространстве регионов: состояние, проблемы и перспективы развития

Т. В. Джакаева

Разработка новых форм работы в музейной педагогике в условиях ФГОС на примере Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника 4

Ю. В. Сливкова

Экспозиционная деятельность музеев: трансформация как индикатор общественных изменений 9

И. С. Султанова

Проблемы развития музейного дела на территории Республики Крым.... 13

Французы и Крым

Л. П. Авдонина

А. Э. де Ришелье: кто он для современного человека?..... 19

Е. В. Захарова

Дневник дюка де Ришелье. Воспоминания о первой поездке в Россию ... 25

В. В. Кожин

Придворный, воин, рыцарь чести. А. Э. де Ришелье и Французская революция 34

Н. М. Макарухина

Владельцы имений на территории большого Гурзуфа – участники войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813–1814 годов 44

С. А. Макуренкова

О музеефикации дворца Ришелье..... 50

А. В. Носова

Крым в поэзии Пушкина..... 55

Л. В. Савостьянова

Кардинал Ришелье и Франция 62

Т. М. Фадеева

Идея Софиополя как один из проектов развития Крыма в одесских письмах (1808–1811) генерал-губернатора Ришелье графине Софье Поттоцкой-старшей 68

З. З. Хайрединова

Дюк де Ришелье и проблемы мусульман Крыма в начале XIX века: по материалам архивных источников..... 77

УДК 37.013

РАЗРАБОТКА НОВЫХ ФОРМ РАБОТЫ В МУЗЕЙ- НОЙ ПЕДАГОГИКЕ В УСЛОВИЯХ ФГОС НА ПРИМЕРЕ КРЫМСКОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Т. В. Джакаева¹

В последние годы в отечественном музейном деле активно разрабатывается новое эффективное для образовательной деятельности направление — музейная педагогика. Ставятся теоретические проблемы, возрастает необходимость исследований, связанных с обновлением понятийного аппарата, требует изучения эта проблема и ФГОС. Значительный интерес для российских педагогов в этой связи представляет история становления понятия «музейная педагогика». Что можно сделать средствами музейной педагогики в Крымском литературно-художественном мемориальном музее-заповеднике?

Актуальность темы исследования по реализации музейной педагогики в Крымском литературно-художественном мемориальном музее-заповеднике обеспечивается возможностью:

— реализации трёх взаимосвязанных элементов этой деятельности: развитие, воспитание, обучение, что крайне важно в современной ситуации дегуманизации образования и неспособности школы самостоятельно решать проблемы воспитания и творческого развития подрастающего поколения;

— повышения психолого-педагогической и общехудожественной подготовки учителей, мотивации к личному совершенствованию;

— приобщения посетителей (и взрослых, и детей) к культурным традициям своего народа, общечеловеческим ценностям.

---

¹ *Татьяна Вячеславовна Джакаева* — заведующая отделом «Музей А. С. Пушкина в Гурзуфе» ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник»

Аспектное изучение научной литературы по музейной педагогике показало, что исследователи проблемы рассмотрели специфику музейной деятельности, её объект и предмет, методологию, цели, структуру, сформулировали ключевые понятия, разработали педагогические формы, методы и технологии. Однако современное информационное общество настоятельно требует обновления или просто новых педагогических технологий как в школе, так и во всех сферах жизни, в которых присутствует образовательная деятельность, что и делает вопрос о внедрении музейной педагогики, а не просто просвещения, в образовательную деятельность музея ещё более актуальным.

Сотрудники музея А. С. Пушкина в Гурзуфе как части Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника уже осознали и осмыслили роль музея как образовательного института, которая сложилась в России в 1970-е годы. Предпосылкой зарождения музейно-педагогической мысли стало осознание на рубеже XIX–XX веков музея как социального института образования. Большое значение для формирования музейной педагогики имел опыт образовательной деятельности музеев Англии и США, где были впервые разработаны программы для разных категорий посетителей. Музейно-образовательная деятельность в Германии не была столь активна, как в Англии и США, но именно в Германии были заложены основы музейной педагогики отдельными энтузиастами музейного дела, среди которых особое место занимает А. Лихтварк, директор Гамбургского художественного музея (1913 г.).

Анализ деятельности успешных музеев мира и России подтверждает мысль о том, что музейная педагогика активно формируется как новая научная дисциплина. При этом растёт количество исследователей, активно изучающих проблемы новой науки. Результаты данных исследований отражены в трудах таких отечественных учёных, как Д. А. Абдуллина, А. В. Бакушинский, Н. М. Белянкова, А. Г. Бойко, Е. Г. Ванслова, М. А. Волчкова, Г. М. Гогоберидзе, Е. Долгих, Д. Камерон, Н. А. Кульчинская, А. Лихтварк, Т. Я. Лукашева, Н. Г. Макарова, М. В. Малиновская, Е. П. Мандебура, Е. Б. Медведева, Т. В. Молодчая, И. А. Морозова, А. М. Разгон, Н. Д. Рева, Н. Рыжкова, А. Г. Сечин, Т. Скобликова, Б. А. Столяров, Е. К. Турилова, Н. Ф. Фёдоров, А. А. Харитоновна, М. Ю. Юхневич, Л. Т. Якубенко и др.

Таким образом, актуальность заявленной проблемы обусловлена необходимостью разрешить противоречия между потребностями современной музейной педагогики в результативном сопровождении образовательной, развивающей и воспитывающей деятельности музея с помощью инновационных форм и методов работы в условиях ФГОС и несформированностью системы инновационных форм и методов в деятельности практических работников музейной сферы.

Востребованность музейной педагогики, дополняющей образовательную, развивающую и воспитательную функцию школы, неуклонно растёт.

Объектом исследования стали формы и методы современной музейной педагогики, предметом — современные инновационные эффективные формы и методы музейной педагогики.

Целью исследования стало осмысление возможностей внедрения инновационных форм и методов музейной педагогики в практику профессиональной деятельности сотрудников ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник», проверка их эффективности в реальных условиях.

Исходя из сказанного, были сформулированы следующие задачи:

- изучить процесс формирования образовательной функции музея;
- выявить специфику музейной педагогики как науки;
- выявить современные инновационные музейно-педагогические модели обучения;
- выработать рекомендации по внедрению инновационных форм и методов музейной педагогики в практику работы современного музея.

Были использованы такие методы исследования, как общий метод (диалектика как способ познания мира); методы формальной логики (анализ, синтез, индукция); методы эмпирических исследований (наблюдение, экспериментальный метод, метод описания); статистическая и аналитическая обработка результатов исследования на всех его этапах.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования заключалась в следующем: выявлены характерные особенности инновационных форм и методов музейной педагогики (сформулировано их научное определение, установлены и проанализированы технологические особенности); определены методические знания и круг специальных коммуникативно-методических компетенций, которые необходимо сформировать для успешного использования инновационных методов в профессиональной деятельности сотрудника музея; теоретически и экспериментально обоснована необходимость обучения музейных работников инновационным формам и методам музейной педагогики; получены данные о результатах применения практическими работниками музея инновационных форм, методов и технологий музейной педагогики.

Практическая значимость исследования определилась таким образом: разработана и апробирована в реальных педагогических условиях система инновационных методов музейной педагогики, которая может быть использована в реальной практике деятельности специалиста по музейной работе.

Личный вклад автора в исследование состоял в разработке теоретических (психолого-педагогических и лингвистических) основ обучения

инновационным методам музейной работы; в подготовке дидактической базы, разработке и проведении опытно-экспериментальной работы по формированию компетенций, необходимых для подготовки и целесообразного использования инновационных методов музейной педагогики; в проверке результативности данной работы; в личном участии в формирующем эксперименте.

Экспериментальной базой исследования стал ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник».

Обоснованность и достоверность результатов исследования подтверждены многоаспектным анализом научных источников и практической деятельности музейных работников; данными констатирующего среза; результатами поискового эксперимента, где примут участие обучаемые разных возрастных групп; наблюдениями за результатами использования инновационных форм и методов музейной педагогики практическими работниками музея.

В ходе исследования было выявлено противоречие между сложившимся содержанием коммуникативно-методической подготовки музейных работников и потребностями школы и музея в специалистах, обладающих профессиональными умениями использовать инновационные формы и методы музейной педагогики.

Востребованность музейной педагогики определяется интенсивным развитием взаимодействия отечественных музеев с системой образования, намечающимся возрождением школьных музеев, высоким уровнем требований к компетентности и конкурентоспособности педагогических кадров школ и музеев.

В ходе теоретического изучения данного направления была произведена корректировка темы на «Новые формы работы в условиях ФГОС. Культурно-образовательная сфера Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника».

УДК 94(477.75)''17/20''

ЭКСПОЗИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ИНДИКАТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Ю. В. Сливкова¹

Музейная деятельность в России представлена многообразием учреждений различного масштаба и ведомственной принадлежности. Призванные адекватно реализовывать свои основные функции (научно-исследовательскую, фондовую, экспозиционную, реставрационную, образовательную и воспитательную) в последнее время музеи подвергаются критике за излишний традиционализм и нежелание проводить модернизацию [1]. При этом цель работы любого музея — это актуализация и трансляция исторической памяти, и на разных этапах его существования этот акцент должен перемещаться с одной функции на другую.

Практически в каждом муниципальном образовании действует краеведческий музей, предлагающий вниманию посетителей собранную ещё в советское время, часто с идеологической подоплёкой, шаблонную коллекцию экспонатов. Как правило, экспозиция включает следующие тематические разделы:

1. Местная флора и фауна. Демонстрируются наиболее распространённые в данной местности виды растений и животных, а также краснокнижные и символические для неё.

2. Быт и традиции местного и коренного населения. Выставляются экспонаты, относящиеся к внутреннему убранству жилых помещений, предметы кухонной утвари, одежда и т. п.

3. Ключевые этапы развития края. В советское время обязательно демонстрировались достижения народного хозяйства. В послевоенное время формировались выставки, посвящённые участию местных жителей в Великой Отечественной войне.

4. Экспозиции местных живописцев.

Типичный пример такого музея — Историко-краеведческий музей города Тюкалинска в Омской области. Историко-краеведческая экспозиция открытого в 1985 году музея включает раздел природы района, экспонаты, посвящённые политической ссылке, сюжетные композиции,

¹ *Юлия Викторовна Сливкова* — старший преподаватель кафедры «Туризм, гостиничный и ресторанный бизнес» Института дизайна и технологий Омского государственного технического университета, аспирант.

представляющие крестьянскую избу и купеческую лавку. Также в музее освещены революционные события в районе, колхозное строительство, участие тюкалинцев в Великой Отечественной войне. В составе экспозиции есть художественный отдел, где экспонируется живопись и графика омских художников 1970–1980-х годов [2].

Открывались такие музеи с просветительскими целями, часто на общественных началах. Их посещение было обязательным элементом патриотического воспитания, поэтому их целевую аудиторию в основном составляли учащиеся.

После распада СССР многие учреждения оказались в плачевном состоянии из-за сокращения, а в некоторых случаях и полного прекращения государственного финансирования. Сложившаяся социально-политическая ситуация привела к необходимости поиска новых путей развития, источников поступления денежных средств и зачастую к коммерциализации музеев. Однако коммерциализация приводит к ослаблению идеологической составляющей экспозиций, и музей из статичного «накопителя памяти» трансформируется в учреждение сферы социально-культурного сервиса, предлагающее различные услуги. Вследствие этого возникает понятие музейного туризма.

Именно такой вид туризма стал основополагающим для развития туристского потенциала города Тюкалинска: был разработан и успешно реализуется тур выходного дня «Уездный город на Сибирском тракте». В программе тура предусмотрено посещение всех экспозиций музея, причём традиционный показ заменён интерактивом.

В крестьянской избе можно опробовать кухонную утварь, в мини-музее «Церковно-приходская школа» — писать пером и чернилами. Благодаря новому туристическому продукту количество туристов в городе с каждым годом растёт, что позволяет музею открывать новые экспозиции.

Параллельно с переориентацией уже существующих музеев на новые формы репрезентации и в ответ на запросы уставших от советской пропаганды потребителей открываются далёкие от политики музеи. В основе некоторых — частные собрания предметов хозяйственной культуры, например, Музей уюта в Переславле-Залесском. Эволюция привычного всем устройства позволяет продемонстрировать стремительные изменения, происходящие благодаря техническому прогрессу.

С каждым годом растёт число частных музеев. В каталог Ассоциации частных музеев России включено 470 единиц, и более 700 учреждений ожидают включения [3]. Причём открытие музея рассматривается как одно из актуальных и доходных направлений малого и среднего предпринимательства. По мнению финансовых консультантов, музей

как бизнес имеет ряд преимуществ по сравнению с другими учреждениям социально-культурной сферы.

Это, например, отсутствие необходимости лицензирования деятельности, небольшая численность персонала, при наличии частной коллекции низкие первоначальные вложения. Таким образом, входной барьер в отрасль вполне преодолим и для начинающих предпринимателей. Однако необходимо понимать, что успех частного музея предопределён следующими факторами:

- туристская привлекательность местности, в которой расположен музей;
- расположение музея в городской среде (инфраструктура, транспортная доступность и т. д.);
- сезонность;
- интерес общественности к экспозиции.

Как и любой другой бизнес, музей не сможет обойтись без современных технологий продвижения, рекламы и PR. По-настоящему востребованными становятся музеи, которые предлагают альтернативу традиционной музейной экспозиции [4]. Популярностью пользуются многочисленные музеи шоколада, кофе, водки и др. Здесь посетителям, помимо исторического экскурса, предлагается дегустация и возможность покупки «экспонатов».

В качестве примера можно назвать музейно-туристический центр, состоящий из Музея пряника и Мастерской шоколада во Владимире. Стоимость посещения центра начинается от 370 рублей, посещение мастер-класса — от 380 рублей. Среднее количество посетителей в год — около 20 000 человек.

Средняя стоимость посещения частного музея и количество посетителей в год сильно варьируется. Как правило, обслуживаются в таких музеях небольшие группы по предварительной записи.

Ощутимый вклад в развитие современного музейного дела вносят общественные организации и благотворительные фонды. Благодаря программе «Музей без границ», инициированной благотворительным фондом Владимира Потанина, стало возможным проведение ежегодного грантового конкурса музейных проектов «Меняющийся музей в меняющемся мире». Победителем данного конкурса в 2016 году в номинации «Музейный старт» стал успешно реализованный в Самаре проект «Музей для детей “Зелёнка”».

Музей стилизован под однокомнатную квартиру, включающую пять ключевых разделов: большой шкаф — «Свет и тьма», кухонный островок — «Цвет и форма», ванная — «Звуки и шумы», рабочий уголок хозяйина — «Открытия и изобретения» и антресоли — «Пространство и время». За основу авторы проекта взяли идеи архитектора и педагога А. У. Зеленко.

Разработанная им концепция идеального детского музея предполагала объединение образования с игрой. Через чувственное восприятие ребёнок постепенно осознает причинные связи в явлениях природы. Разделение экспозиции на тематические зоны позволяет задействовать все органы чувств — комнаты света и тьмы, запахов и ощущений, цвета и формы, звуков и шумов [5]. Интерактивный музей для детей постепенно трансформировался в центр семейного досуга, где проводятся различные мастер-классы, спектакли и другие мероприятия.

Исторические музеи по-прежнему самые многочисленные, но и здесь наблюдаются серьёзные изменения. Патриотизм, самопожертвование и отвага уступают место детальному историческому анализу. Актуальной тенденцией в музейной деятельности является объяснение причин возникновения военных конфликтов, подчёркивается хрупкость мира.

Расширяется сама концепция музея — музеи несут ответственность за распространение знаний о прошлом и формирование «политического самосознания» [6]. Один из примеров — открытие в 2006 году экспозиционного комплекса «Бункер-42» в Москве. В рассекреченном бункере в настоящее время функционирует Музей холодной войны. Деятельность музея не ограничивается показом технического оснащения противоядерного бункера, экскурсия позволяет осознать, что грозит человечеству в случае глобального конфликта [1]. Таким образом, музей не только фиксирует изменения в жизни общества, но и вносит свой вклад в создание и распространение идеологии, преобладающей в современном обществе.

В современном быстро меняющемся общественно-политическом климате видоизменяются даже самые традиционные и устоявшиеся формы культурной памяти. С стороны от этого процесса не может оставаться и экспозиционная деятельность музеев. Музейная коммуникация из классически привычного монолога экскурсовода трансформируется в интерактивный диалог с посетителем.

Список использованных источников

1. Акоева Н. Б. Необычные музеи мира: насущная необходимость или дань времени // Культурная жизнь Юга России. — 2017. — № 3. — С. 92–96.
2. БУК «Тюкалинский историко-краеведческий музей»: [Электронный ресурс]. URL: <http://museum-tukalinsk.ru/> (Дата обращения: 03.09.2019).
3. Ассоциация частных музеев России: [Электронный ресурс]. URL: <http://частнымузеи.рф/> (Дата обращения: 18.10.2019).
4. Каким будет музей будущего?: [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/video/29812/> (Дата обращения: 18.10.2019).
5. Музей для детей «Зелёнка»: [Электронный ресурс]. URL: <http://https://www.fondrotanin.ru/practice/MuzeydlyadeteyZelenka/> (Дата обращения: 18.10.2019).
6. Роижэ Х. Музеология и память о прошлом: образы гражданской войны в экспозициях испанских музеев // Вопросы музеологии. — 2013. — № 1 (7). — С. 100–115.

УДК 069.01

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

И. С. Султанова¹

Статья посвящена проблемам музеев и роли музейных учреждений в современном обществе. Рассмотрены методы поиска решения проблемы музеев с помощью внедрения современных технологий и средств коммуникации, с помощью кадровой обеспеченности музеев современными специалистами. Рассмотрены роль и пути привлечения различных инвесторов.

По данным исследователей, музейная сеть Республики Крым насчитывает более 379 музеев. В это число входят как юридические лица-музеи, так и музейные отделы других организаций. Государственная форма собственности — 92 %. Из них — 28 крупных государственных музеев, где 16 (9 заповедников, 7 музеев) находятся в республиканском ведении и 12 — в муниципальном. Государственная сеть музеев Крыма — это три основные группы:

- музеи, находящиеся в ведении Минкультуры;
- региональные;
- ведомственные.

Главная функция музея — хранительная. Музей не является сферой социальных услуг, а осуществляет государственную функцию воспитания вкуса и сохранения памяти.

В своё время директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский высказал важную мысль: «Мы унаследовали нашу культуру от предков и должны передать её следующим поколениям в целостности и сохранности. При этом она не является просто средством досуга. У неё есть свои принципы. Нельзя, например, бомбить, уничтожать, разрушать памятники культуры. Это то, что отличает в высоком смысле человека от искусственного интеллекта. Эти вещи не просчитываются арифметически. Культура — наша ДНК, ДНК нации, человечества в целом».

Вещи, которые окружают людей в повседневной жизни, стали настолько привычными, что никто даже не задумывается о том, когда и как они появились, кто их придумал и как они устроены. Важнейшая характеристика этого мира, по мнению Л. Шюца, — интересубъектив-

¹ *Ирина Сергеевна Султанова* — младший научный сотрудник отдела «Дача А. П. Чехова и О. Л. Книппер в Гурзуфе» ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник».

ность (от лат. *inter* — «между» и *subjectus* — «находящийся в основе»), т. е. взаимодействие на обыденном уровне людей как субъектов повседневного мира.

Повседневность возникает и формируется лишь в общении, в межчеловеческих контактах. Обыденная действительность формируется благодаря тем смыслам и значениям, которые «повседневный человек» придаёт вещам и отношениям. Идеи Л. Шюца были развиты его учениками и последователями Т. Лукманом и П. Бергером [1], которые раскрыли повседневность как рациональную структуру и показали, что повседневность — это непреодолимая фактичность, не требующая проверок своего существования.

Она формируется вокруг понятия «здесь-и-сейчас». Повседневность предстает той формой действительности, где окружающий мир проявляется сквозь призму ежедневного восприятия. Повседневность — мир человеческой непосредственности, чувствования, стремления, фантазии, желания, сомнения, утверждения, воспоминания о прошлом и предвосхищения будущего. По сути, всем этим в целом или по отдельности человек может наполнить себя в музее.

Современный музей должен не только сохранять экспонаты, но и давать людям представление о том, какие события происходили сотни и даже тысячи лет назад.

Но в современных реалиях, когда музеям не хватает финансирования государства, сложно выполнять эту функцию. Мешают аварийное состояние зданий, нехватка фондохранилищ, отсутствие должной системы безопасности. В США почти все музеи финансируются частными лицами или компаниями. Поступающие средства аккумулируются в различных фондах, например, эндаументах, позволяющих музею жить на процент от основного капитала. Это дополнительно защищает музеи от финансовых кризисов. Впрочем, последний кризис 2008 года затронул даже богатейшие музеи США, например Getty, Metropolitan Museum of Art, или МоМА, которым в итоге пришлось урезать расходы, музеи же поменьше были вынуждены проводить «деинвентаризации» и продавать работы из коллекций.

В Британии ситуация принципиально иная: правительство полностью финансирует 21 музей, они бесплатны для посещения, большинство остальных получают поддержку из муниципальных источников, и лишь единицы существуют исключительно на частные средства. Когда нужно купить какой-то дорогой экспонат в коллекцию, деньги берут у частных лиц или из фонда Национальной лотереи, т. к. тиражи проходят еженедельно, а все средства идут на медицину, образование и музеи.

Ян Блэтчфорд, директор знаменитого лондонского Science Museum, в коллекции которого, среди прочего, ракета Стивенсона и космиче-

ский модуль «Аполлон-10», рассказал, что бюджет музея составляет 85 миллионов долларов, государство дает около 70 %, остальные деньги музей, экспозицию которого можно посмотреть бесплатно, зарабатывает самостоятельно.

Современный музей должен иметь красивое здание, сам его вид должен привлекать людей. Такие объекты необходимо строить и переносить в центр города, т. к. значение культурного наследия необходимо вывести на центральные позиции.

Тогда люди не только будут иметь возможность легко добираться до объектов культурного наследия, но и станут осознавать, что культура и искусство имеют первостепенное значение в жизни общества. М. Б. Абсалямов представил культуру как способ социального бытия человека, когда в культурогенезе человек и культура становятся одновременно и творцом, и творением.

В культурогенезе, как одном из способов оформления представлений о пространстве и времени, происходит становление трансцендентно-практической картины мира, в которой пространство, время и картина мира находятся в антиномичных отношениях. Именно такую мысль провозглашали П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев, Н. Рерих, В. И. Вернадский, Л. Н. Гумилёв, К. Э. Циолковский, М. Б. Абсалямов, Т. А. Ростовцева.

Залы должны быть просторными, у зрителя не только должна быть возможность максимального доступа к предмету со всех ракурсовых площадок, но и чувство личного пространства для полного комфорта и максимального погружения в предмет и его историю. Залы должны вместить большую аудиторию для проведения не только экскурсий, но и лекций, различных перформансов и кинопоказов. Для школьников или студентов показ какого либо исторического фильма в здании музея будет намного интереснее, чем повседневный поход в кинотеатр. Ведь после просмотра можно организовать экскурсию с описанием экспонатов и событий, связанных с сюжетом фильма, таким образом закрепить пройденный материал. Также территория современного музея должна обладать собственной парковкой. Ведь отсутствие парковок влияет на количество посещающих музей людей. И тут одной рекламой не обойтись. Необходимы ИКТ-технологии в интернете, приложения-гиды для мобильных телефонов. Необходимы печатные путеводители по экспозициям с грамотно составленными и подробными пояснениями к выставляемой коллекции, включая необходимые исторические отсылки. С помощью современных технологий можно существенно развить технологическую базу музея.

В условиях становления информационного общества, атрибутом которого являются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), перед музеями встаёт новая задача — определение смысла и назначения музея в новой электронной среде, осмысление инновационных

технологических возможностей, обеспечивающих доступ к культурным ценностям, сосредоточенным в музеях, для широких слоёв населения.

Основную роль при этом играют сайты музеев — виртуальные представительства в интернете реальных музеев, обеспечивающие непрерывный доступ к информации независимо от местонахождения пользователей и времени их обращения к музейному информационному ресурсу. Эволюционируя в ходе общего развития культуры, музей ищет и выбирает пути своего развития, предопределённые самой культурой, отвечая требованиям времени и социокультурной ситуации.

Именно использование современных информационных технологий и средств коммуникации предполагает выход музеев на совершенно новый уровень развития, не опровергающий основную деятельность музеев, а приносящий новые возможности их развития в современном информационном обществе.

Внедрение и использование ИКТ в музеях существенно осложняется как из-за проблем материально-технического характера, так и из-за проблем кадровой обеспеченности, требующих для их решения более активной позиции со стороны органов исполнительной власти.

Помимо основной задачи — изучать культуру и искусство, наслаждаться искусством, — музеи должны соответствовать и другим разным задачам: давать посетителям возможность отдохнуть с дороги, пообедать, посетить сувенирную лавочку для приобретения сувенирной продукции. Музей должен выполнять образовательную функцию для всех возрастных групп.

Появление профессиональных музейных сотрудников должно способствовать тому, что из пассивного посетителя, невнимательно слушающего рассказ об экспонате, посетитель стал активным познающим субъектом. Цель сотрудника — донести информацию и вызвать интерес у посетителя, возможно, даже по принципу диалога с ним. И даже будет лучше, если коммуникация произойдёт не только между посетителем и работником музея, но между посетителем и музейным экспонатом и, может быть, даже между группами посетителей.

Музей должен улучшать условия для разных групп посетителей, таких как учащиеся школ, инвалиды, люди пожилого возраста. Для них должно быть выделено индивидуальное время для посещения — часы до или после основного времени работы музея.

Музеи — это культурные центры, которые могут не только развивать культуру, влиять на экономическое развитие города, региона. Инвестирование частного капитала в учреждения культуры должно поддерживаться такими стимулами, как налоговые льготы. Хорошо развитая коммуникация на разных языках будет привлекать больше иностранных туристов, принося пользу городу средствами от дохода отелей, ресторанов, магазинов.

Сегодня музеям довольно сложно доказать свою нужность. И поэтому они должны перенять новые технологии для привлечения современных культурных продуктов и выставок.

Культуролог О. Карпова считает, что общество всё равно с большим трудом понимает, что ему рассказывает тот или иной музей, потому что при всех технологических инновациях тот посыл, который музей выносит в общество, остаётся непонятным.

Это проблема большой музейной концепции. И основная идея, которую музей транслирует вовне, остаётся животрепещущей [2]. Если раньше считалось, что исторические музеи пересказывают историю, но с использованием разных предметов, экспонатов и документов, то современные музеи должны работать по-другому. В них должен быть диалог с посетителем.

Д. Озерков, работающий в Государственном Эрмитаже, считает, что музей будет предоставлять обществу всю необходимую информацию на том уровне, на котором оно способно воспринимать [3, с. 71].

И если раньше коммуникация в музее носила характер монолога автора (куратора), то теперь она должна стать не только диалогом, но и полилогом, то есть разговором нескольких участников, равноправно участвующих в общении.

Интересной с точки зрения анализа категории «музейного посетителя» является концепция Р. Барта, а также тезис о «смерти автора», когда создание смысла слушающим, в отличие от слов говорящего, указывает на самостоятельность языка [4, с. 384].

Музейный посетитель может и не понять замысел автора через описание экспоната, а может понять его почти в той степени, как это задумал автор. При всей условности музейной коммуникации можно утверждать, что одну из двух важнейших ролей в ней играет субъект — посетитель, в то время как вторая роль принадлежит создателям музейного пространства.

Если рассматривать посетителя музея как рыночную категорию, музей адаптируется под его потребности, чтобы вновь привлечь к посещению. В 1960-х годах канадский учёный Д. Камерон вводит понятие «коммуникации музейной деятельности». Согласно его подходу, все действия, происходящие с музейным посетителем при знакомстве с экспозицией, можно свести к актам коммуникации посетителя и музейного предмета, самого музея. Результатом коммуникации становятся смыслы, формируемые самим посетителем [6, с. 35].

Во многом восприятие информации посетителя музея зависит от экскурсовода или куратора. Так, например, А. Никонова считает, что появление кураторов и экскурсоводов было необходимо для преодоления барьера, возникающего при интерпретации музейных ценностей. Музеям важно иметь «комментатора музейного текста» [5, с. 164].

Государство должно больше внимания уделять проблемам музеев и самому институту музееведения. А это, конечно же, финансирование музеев и различных музейных программ. Также считаю, что решению музейных проблем могут способствовать меценаты.

Ведь есть люди, у которых хранятся редкие вещи, представляющие культурную ценность. В стране есть много частных музеев, созданных богатыми меценатами. Лучшим стимулом для привлечения инвесторов в финансировании новых государственных учреждений будет привлечение девелоперских программ смешанного типа. Примерами использования такой программы являются «Гараж» в Парке культуры и отдыха имени М. Горького в Москве, культурный центр ЗИЛ.

Также проблему можно решить с помощью размещения филиалов крупных музеев в провинции. Но для этого необходимо финансирование от государства. Ведь для размещения филиала нужно не только здание, но и квалифицированные специалисты, работники музея. Поэтому поддержка государством Института музееведения крайне необходима. Нужны специалисты, заинтересованные в своём деле, любящие свою работу.

В заключение нужно сказать, что проблемы музейного дела на ЮБК можно решить с помощью финансовой поддержки государства, более активной позиции органов исполнительной власти в регионах, привлечения высококвалифицированных специалистов работников музеев и внедрения современных технологий.

Список использованных источников

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по философии знания. — М.: Моек, филос. фонд, 1995.
2. Интернет-журнал «ПостНаука» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://postnauka.ru/video/29812> (дата обращения: 23.03.2019).
3. Озеров Д. Участник круглого стола «Новые музейные стратегии» // Искусство (The Artmagazine), 2012. — № 2. — С. 70–80.
4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика — Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
5. Фёдоров Н. Ф. Музей. Его смысл и назначение // Музейное дело: Экспресс-информация. Вып. 3–4. — М., 1992.

УДК 159.953

А. Э. дю Ришелье: КТО ОН ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА?

Л. П. Авдонина¹

«Кто хочет понять писателя, тот должен пойти на его родину» — заметил как-то И. В. Гёте. Арман Эммануэль дю Плесси, герцог де Ришелье, правправнук знаменитого кардинала Ришелье, представитель знаменитого рода... Кто он? Исследователи задают разные вопросы о дюке Ришелье. В чём феномен Ришелье? Гений ли он? А если гений, в чём его нетипичность? Каковы были отношения герцога и представителей правящей элиты? Повышали эти отношения градус его яркости и нестандартности? Почему его называют легендарным персонажем из истории Одессы и Крыма [1]?

Конечно, обозначение «дюк» памятно читателям старых русских исторических журналов. Так в начале прошлого века называли в России официально и неофициально одного из главных создателей Новороссийского края герцога де Ришелье, судьба которого так же сложна и невообразима, как и его полный титул. Потомок старинного французского рода и внучатый племянник легендарного кардинала Ришелье волею судеб стал участником штурма Измаила, а потом одесским генерал-губернатором. Он занял этот пост в 1803 году, но многие из горожан считают именно его основателем города. Только при дюке Одесса становится городом европейского масштаба.

Как известно, герцог Ришелье — это особый титул во Франции в звании пэра. Его создали в 1629 году специально для кардинала Армана Жана дю Плесси де Ришелье, который был священнослужителем, поэтому не имел наследников для передачи титула. В результате титул отошёл внучатому племяннику.

Первый герцог Ришелье родился 1585 году. Он остался в истории под прозвищем Красный кардинал. В 1616 году Ришелье назначили

---

¹ Людмила Петровна Авдонина — библиотекарь научной библиотеки ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник», почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Российской ассоциации преподавателей и учителей риторики.

на пост государственного секретаря, он был также главой французского правительства с 1624 года вплоть до своей смерти в 1642 году.

Арман де Ришелье появился на свет в Париже, его отец был одним из организаторов бегства Генриха III из восставшей французской столицы. Когда семье удалось вернуться в Париж, Арман учился в Наваррском коллеже вместе с будущим королём. Во времена регентства Марии Медичи будущий герцог стал заметной фигурой, однако после того как власть забрал Людовик XIII, Ришелье отправили в ссылку. Ко двору он вернулся только в 1622 году, став кардиналом Римско-католической церкви. Через два года Людовик XIII назначил Ришелье своим первым министром, чтобы спасти страну, оказавшуюся в плачевном состоянии. Заслуги герцога в это время перед страной — раскрытие заговора против короля, взвешенная внешняя политика. Главной мыслью Ришелье в то время было создание централизованного государства, как отмечают историки, он ещё боролся с аристократией, развивал торговлю, флот, финансы и внешнеэкономические связи. До сих пор Ришелье считается одним из самых влиятельных министров в истории Франции.

Вторым герцогом де Ришелье был внучатый племянник Армана дю Плесси Арман Жан де Виньеро дю Плесси, про которого пишут, что он ничем примечательным в истории не запомнился. Но вот его сын Луи Франсуа Арман де Виньеро дю Плесси, который родился в 1696 году, сделал много полезного для Франции и титул герцога Ришелье получил в 19 лет.

Сначала сын имел только дурную славу. Его даже по требованию отца заключали на 14 месяцев в Бастилию за слишком ранние и бурные любовные похождения. В 1716 году он снова оказался за решёткой за убийство на дуэли графа Гасе, человека из рода графа Рауля де Гасе, нормандского феодала из рода Роллонидов, в 1040–1047 годах опекуна Вильгельма Завоевателя, будущего короля Англии. Полный титул — Сеньор де Гасе, д'Экуше, де Баван, де Варангбек, де Гравансон и де Нуайон-сюр-Андель. Носил прозвище Ослиная голова (*Tête d'Ane*) из-за её размеров. Рауль был средним сыном Роберта Датчанина, архиепископа Руана и графа Эврё, и его жены Эрелевы. После смерти отца (1037) унаследовал сеньорию Гасе и ряд других владений в Нижней Нормандии. В 1040-м или начале 1041-го года организовал убийство Жильбера де Брионна, опекуна малолетнего герцога Вильгельма, и занял его место. Носил звание коннетабля Нормандии.

А в 1719 году герцог Ришелье стал одним из участников заговора Челламане, когда его участники пытались устранить Филиппа II с поста регента. Луи ещё несколько месяцев провёл в Бастилии. Вступить в заговор он решил из-за недовольства политическим курсом регента. Луи был против конфликта с Испанией и сближения с Англией. Как

и многие французские аристократы в то время, он мечтал о реваншистской войне против англичан, считая именно Испанию одним из главных союзников на международной арене.

В 1725 году Ришелье назначили послом в Вену, а затем в Дрезден. На этом поприще он показал себя искусным дипломатом, который смог принести пользу своей стране. Именно Ришелье указал на стратегическую важность Курляндии, что привело к кризису 1726 года. Именно из Курляндии Ришелье рассчитывал в случае необходимости угрожать Санкт-Петербургу, сделав Россию максимально осторожной в союзе с Австрией. В 1733 году он отличился в рейнской кампании за польское наследство, особенно был успешен при осаде Филиппсбурга.

Позже герцог принимал участие в войне за австрийское наследство и Семилетней войне. В 1757 году после окончания военной карьеры он ещё успел опустошить Ганновер. В ходе этой кампании Ришелье вынудил герцога Камберлендского подписать конвенцию о капитуляции, но в том же году был отозван во Францию. Источники утверждают, что причиной стали массовые грабежи, в которых участвовали французские солдаты. Или зависть по поводу военных успехов Ришелье герцога Субиза и самого Людовика XV.

Бенжамен де Роган, герцог де Фронтене, сеньор де Субиз, известный как герцог де Субиз (1580 или 1583 — 9 октября 1642, Лондон), — французский аристократ из дома де Роган, младший брат герцога Анри II де Рогана, совместно с ним возглавлявший французских протестантов-гугенотов во время их восстания против притеснений со стороны главного министра короля Людовика XIII кардинала Ришелье .

В биографии второго герцога Ришелье много военных успехов и побед, при этом он считается «полузабытым» полководцем. Но Ришелье не проиграл ни одного сражения, а во время Семилетней войны король Пруссии Фридрих II так и не решился начать против него прямую битву. Во французской армии были уверены, что Ришелье обязательно победил бы англичан, если бы остался полководцем. При этом сам герцог был противником всеобщей воинской повинности, концепцию которой обсуждали в середине XVIII века. Герцог полагал, что артиллерия способна в считанные часы уничтожить неповоротливую армию, пытался обосновать этот тезис даже с помощью математических расчётов. Военный талант герцога де Ришелье дю Плесси высоко ценил сам Суворов.

Пятый герцог Ришелье. Сын Луи Франсуа (Луи Антуан) ничем примечательным не запомнился, а вот его внук получил известность и уважение в России. В 1766 году родился Арман Эммануэль дю Плесси Ришелье.

Он стал пятым герцогом Ришелье, прапраправнучатым племянником знаменитого кардинала Ришелье. В 1783 году он становится

камергером при короле Людовике XVI, а получив эту придворную должность, начинает строить успешную карьеру. Возможно, он мог многого добиться и во Франции, но в 1789 году свершается Великая французская революция. Ришелье, поддерживающий монархию, вынужден эмигрировать. Он уезжает сначала в Австрию, а затем в Россию, где поступает на военную службу. Жить во Франции во время Первой Французской республики для аристократа с таким титулом стало небезопасной.

На военном поприще герцог оказался весьма полезным. В 1790 году он участвует в штурме Измаила, на следующий год ему вручают орден Святого Георгия четвёртого класса с формулировкой «За отличную храбрость» и именное оружие.

В 1792 году Ришелье предлагает российской императрице Екатерине II проект массового переселения мигрантов из Франции в области Приазовья. Но эта идея не получила поддержки. Бежавшие от французской революции аристократы сами отказывались селиться в неизвестных им землях без каких-либо ощутимых перспектив. Для них это было слишком далеко от уже знакомых российских городов — Москвы и Санкт-Петербурга.

Некоторое время Ришелье занимает пост губернатора Волыни, а после воцарения императора Павла I в 1796 году, занявшего российский трон после смерти Екатерины II, уезжает в Вену. В 1797 году император назначает Ришелье командиром полка Его Величества руководить кирасирами. Эту должность герцог занимает до конца 1800 года [2].

В 1803 году Ришелье возвращается в Россию после того, как императором становится Александр I, с которым они были в дружеских и тёплых отношениях. Император назначает его градоначальником Одессы. Это событие становится определяющим решением и в жизни Ришелье, и в истории самого города.

При герцоге Ришелье Одесса просто расцвела. В 1804 году император одобряет его предложение временно снять с города налоговое бремя. Ришелье удается этого добиться, доказав целесообразность свободного транзита любых товаров, которые привозят в Одессу морем и даже отправляют затем в Европу. При герцоге Ришелье Одесса становится крупным морским и торговым портом. Он добивается открытия коммерческого училища и гимназии, частных пансионов, чтобы на месте готовить специалистов для развития и процветания города. Все исследователи проблемы согласны с тем, что при Ришелье Одесса превращается из провинциального городишки в один из ключевых городов Юга России. За 11,5 лет население города выросло в 4 раза и в 1813 году составило 35 тысяч человек. Вместо четырёх сотен невзрачных домиков на улицах красовалось две тысячи зданий.

Старания Ришелье отмечают в императорском окружении, в 1805 году его назначают генерал-губернатором всего Новороссийского края. При нём основывают благородный институт, который в будущем служит для открытия Ришельевского лицея. Это событие происходит в 1817 году. У известного архитектора де Томона Ришелье заказывает проект здания театра, строительство которого завершают в 1809 году. Первым его предшественником в качестве градоначальника Одессы был Иосиф де Рибас. Он основал этот город, именно в честь него была названа его главная улица — Дерibasовская. Но при Рибасе это был только грязный городишко, где даже деревья посадил лично де Рибас при помощи трёх своих братьев.

Название «Одесса» возникло на основе слова «Одессос». Так называлась древнегреческая колония, которая, по мнению некоторых историков, располагалась где-то рядом. Правда, впоследствии учёные установили, что это античное поселение было южнее, там, где сейчас болгарский город Варна. В результате множество варненских ресторанов, магазинов и гостиниц носит название «Одессос».

В 1814 году Ришелье возвращается во Францию, там он занимает пост премьер-министра в правительстве Людовика XVIII по инициативе российского монарха Александра I. Премьер-министром Ришелье остается до 1818 года, в 1820 году вновь возвращается на эту должность и работает ещё год. Во Французской академии Ришелье занимает место сторонника Наполеона Бонапарта Антуана Арно, который был изгнан после поражения своего Бонапарта.

Личная жизнь герцога в целом не сложилась. В 15 лет Ришелье женят на 13-летней дочери герцога де Рошешуара по имени Розалия. Отношения в этом браке между молодожёнами были весьма специфическими, но брак не был отменён. Сразу после торжественной церемонии Ришелье отправился в свадебное путешествие в сопровождении одного только гувернера.

Полтора года он провёл в странствиях, а когда вернулся, один раз навестил супругу и снова уехал. Так продолжалось практически всю их супружескую жизнь. Окончательно на долгие годы их разлучила вынужденная эмиграция герцога. По словам близких знакомых и родных, муж и жена при этом уважали друг друга, но иных чувств между ними не было.

В 1822 году Ришелье умер бездетным. Его похоронили в Париже в церкви Сорбонны, которую построил ещё его предок, знаменитый кардинал. Останки и сегодня покоятся в опечатанном склепе. В Одессе были настолько благодарны своему градоначальнику, что увековечили его образ. Памятник герцогу де Ришелье в Одессе был торжественно открыт 22 апреля 1828 года. Как только стало известно о его смерти,

граф Ланжерон призвал жителей собрать деньги на сооружение монумента. Памятник в 1823 году заказал граф Воронцов. Работал над ним скульптор Иван Петрович Мартос.

Сам памятник представляет собой статую из бронзы, на которой Ришелье изображён в тоге римлянина и со свитком в руках. На боковых сторонах три горельефа из латуни, которые символизируют торговлю, земледелие и правосудие. Массивный постамент — дело рук архитекторов Боффо и Мельникова. Монумент выполнен в стиле классицизма. В высоту скульптура несколько выше человеческого роста.

После одесского градоначальника уже никто из герцогов Ришелье не оставлял значительного следа ни во французской, ни в русской истории. В 1822 году титул достался племяннику Армана Эммануэля Арману Франсуа Одету де Ла Шапель де Сен-Жан де Жюмильяк. В 1879 году титул перешёл к его племяннику, которого звали Мари Одет Ришар. Последним герцогом Ришелье стал его сын Мари Одет Жан Арман, который скончался в 1952 году.

Деятельность Ришелье в Новороссии — пример удачного реформаторства. И хотя Ришелье занесла в Россию жажда военных приключений, он был прекрасен и на административном посту. При этом он опирался на учение Адама Смита о прибавочной стоимости. Ришелье проверил жизнеспособность учения на практике и стал, будучи монархистом, проводником капиталистических общественных отношений. Новороссия при Ришелье практически была автономией. Он добился того, что «пастуший народ» потихоньку переориентировался на «оседлые» отрасли.

Некоторые исследователи называют Ришелье «нетипичным гением». Так ли это? Думается, не так уже и важно сейчас отыскивать его место среди гениев или просто среди ярких, талантливых людей, преданных своему делу. Своё предназначение герцог де Ришелье исполнил, хотя его безграничная способность любить была вынуждена ютиться на краешке мечты о личном счастье. Российский император Александр I назвал дюка единственным другом, говорившим ему истину, а английский герцог Веллингтон считал, что «слово Ришелье стоит трактата». Ришелье с честью носил родовое имя и занял достойное место в истории Франции и России.

Список использованных источников

1. Уолтер Айзексон. Что делает гения гением?: [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/longread/20171212/240975724.html> (Дата обращения: 20.09.2019).

2. Дюк Ришелье: чем Одесса обязана потомку французского кардинала: [Электронный ресурс]. URL: https://weekend.rambler.ru/other/41852505/?utm_content=rweekend&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата обращения: 19.09.2019).

УДК 929(47:44)

ДНЕВНИК ДЮКА ДЕ РИШЕЛЬЕ. ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРВОЙ ПОЕЗДКЕ В РОССИЮ

Е. В. Захарова¹

Арман Эмманюэль Софи Септимани де Виньеро дю Плесси, 5-й герцог де Ришелье, в просторечии именуемый «Дюк Одесский», дважды премьер-министр Франции в эпоху Реставрации, оставил яркий след в истории нашей страны. Его заслуги в качестве генерал-губернатора Новороссийского края, в состав которого входила Таврида, велики и неоспоримы. С его именем связано развитие вверенных ему областей во всех сферах жизни — от экономики, сельского хозяйства и военного дела до образования и культуры. Редкий руководитель обладал столь универсальными познаниями во всех областях, которыми занимался, и принимал такое активное, живое, энергичное личное участие в заботах об улучшении жизни населения. Но как же так получилось, что потомственный французский аристократ, родственник европейских монархов, выбрал вместо паркетных полов королевских дворцов дикий и нецивилизованный край, далёкий от блеска императорского двора в Санкт-Петербурге? Он очень хорошо знал Россию, изучал её особенности и видел, сколько пользы его деятельное участие может принести для развития этой территории. Когда же он успел так хорошо узнать ту землю, которой будет управлять в будущем?

К счастью, до наших дней сохранился дневник Дюка, написанный его собственной рукой. Это удивительный документ, потому что на его страницах отражён образ не вымышленного, а настоящего человека: каким он был, как выражал свои мысли, на какие нюансы обращал внимание, что с ним происходило. При чтении дневника возникает эффект общения с живым человеком сквозь века. Мы имеем уникальную возможность послушать его собственный рассказ. К тому же литературные таланты дюка всегда отмечали современники и потомки. Он оставил хотя и короткие, но очень любопытные мемуары об отдельных периодах своей жизни. Особенно хочу отметить пронзительный и потрясающий «Мой уход от власти», который мной переводился ранее, и «Дневник», которому посвящена данная статья.

Полное название этого документа — «Дневник моего путешествия в Германию». Почему так? Человек предполагает, а Бог располагает.

¹ *Захарова Елена Викторовна* — солистка Центра вокального искусства, Симферополь.

Когда в самый разгар революции во Франции, 2 сентября 1790 года, дюк покинул свой военный гарнизон в Седане, чтобы проехать пол-Европы и присутствовать на коронации нового императора Священной Римской империи, он даже не предполагал, какими эпохальными событиями и на какой территории может завершиться его судьбоносное путешествие.

Дюк, а точнее герцог де Фронсак (поскольку герцогом де Ришелье в ту пору был его отец), в период написания дневника был молодым 24-летним офицером, не по годам серьёзным, наблюдательным и эрудированным. Его описания европейских городов, земель, уклада жизни людей, достижений или провалов в управлении этих территорий, а также самих личностей правителей — от императоров до архиепископов и курфюрстов — поражают своей точностью, реализмом и ироничностью. Оценки молодого герцога очень зрелые и выдают ум, уже готовый к выполнению административных функций, которые на него будут возложены только 12 лет спустя.

К примеру, герцог восхищался правителем германского княжества Нойвид, который ввёл на своей территории свободу совести и свободу вероисповедания специально для того, чтобы привлечь жить и работать талантливых людей, какую бы религию они ни исповедовали. В этом городке всего с 3–4 тысячами населения были открыты католическая, лютеранская, протестанская, моравская церкви и синагога. В итоге в город переехали ото всюду самые лучшие и искусные мастера, их фабрики процветали, и благосостояние города увеличивалось с каждым днём. Зная то, как дюк позже работал в Новороссии, мы можем увидеть, что тот же принцип был им реализован и на нашей территории. Напротив, будучи в прошлом в довольно дружеских отношениях с покойным австрийским императором Иосифом II, дюк жёстко и справедливо критиковал его «ложный ум», который, стремясь к лучшему, едва не разрушил его страну. «Великим его недостатком было желание свести всё к принципу единообразия. Он правил империей, состоявшей из разнородных частей, не имевших между собой никакого сходства, а хотел управлять ими с помощью одних и тех же законов, заставить их говорить на одном языке. Он воплощал этот безумный проект с последовательностью и твёрдостью, которая возмутила всех его великих и малых подданных и подготовила все те несчастья, коими была насыщена под конец его жизнь, ускорив его смерть» — отметил герцог в своём «Дневнике». В Новороссии дюк будет придерживаться диаметрально противоположного принципа. На территории под его управлением всегда звучало множество языков. Что, в общем, не удивительно для человека, который сам был полиглотом и стремился привлечь талантливых и работающих людей из всех стран для процветания вверенного ему края.

После коронации нового императора Леопольда II во Франкфурте герцог де Фронсак заехал на 2–3 дня в свой любимый город Вену, откуда собирался съездить в Пресбург на венгерскую коронацию нового императора (по традиции их должно быть две на разных территориях его империи), после чего, опять же через Вену, вернуться домой, в революционную Францию. Однако, как писал дюк в своём «дневнике», звезда готовила ему совершенно иной путь: «Ничего не подозревая, я оказался в начале подготовки к самому великому путешествию, какое я когда-либо совершал, которое действительно определило род моих занятий до конца жизни. У меня всегда было огромное желание пойти на войну. Я устал носить форму, не получив ни единого выстрела». Дюк жалел о том, что два года назад уже пытался присоединиться к русской армии, но король его не отпустил, и ему пришлось забыть об этой мечте.

Однажды вечером герцог де Фронсак ужинал у своего друга и покровителя принца де Линя, того самого знаменитого острослова, который сопровождал Екатерину II в её путешествии по Крыму и которому она подарила земли Партенита. Принц де Линь во время Венского конгресса прославился своей ироничной фразой: «Конгресс танцует, но не движется». Сын принца, которого также звали Шарль де Линь, талантливый военный инженер, был одним из ближайших друзей Ришелье. Однажды во время ужина прибыл курьер из русской армии с письмами для старшего принца де Линя. Этим курьером был некий итальянский граф Катески, авантюрист, интриган и искатель приключений из числа тех, кто тучами слетался в Россию в погоне за фортуной. В то время как старший принц де Линь читал письма, этот офицер в красках описывал дальнейшие планы продвижения русской армии и свои предчувствия, что в Измаиле будет очень жаркий штурм. Забавно, что в тот момент это были только его фантазии, потому что в штабе князя Потёмкина в Бендерах осада Измаила ещё даже не планировалась. Тем не менее все присутствовавшие молодые офицеры восприняли его рассказ всерьёз и с горячим энтузиазмом. Молодой принц де Линь вызвался первым желающим оправиться туда в качестве волонтера. Герцог де Фронсак его поддержал. Их третьим компаньоном в этой аванюре стал граф де Ланжерон, который тоже в будущем оставит свой след в истории Одессы. Время их поджимало, они боялись опоздать. Им предстояло огромное путешествие через пустынную страну с необжитыми землями, среди зимы, почти без багажа, без экипажа и без денег. После недолгих приготовлений, через пару дней, окрылённые радостью и надеждами, они уже были на дороге в Измаил. Их стремительный отъезд вызвал всеобщее осуждение и порицание среди венского аристократического общества. Холодные и расчётливые люди, привыкшие полагаться отнюдь не на удачу, осуждали их авантюризм и французское легкомыслие.

Но молодых офицеров это нисколько не смутило: они были уверены, что их будущий успех изменит общественное мнение в их пользу. В будущем мы увидим, кто оказался прав. Это и впрямь выглядело как приключение героев Дюма.

Молодым людям предстояло пересечь часть Австрии, Моравии, Силезии и польских провинций, известных под названием Галиция. Столицу Галиции Лемберг (нынешний Львов) в конце XVIII века дюк описал следующим образом: «Как и все польские города, он представляет собой смесь красивых зданий и лачуг. В период, проведённый под австрийским господством, он был сильно украшен и вымощен, что является очень большой роскошью для польских городов, где обычно все ходят в грязи по колено».

Оставив свой экипаж, который до сих пор ехал по плохой, но проходимой дороге, офицеры отправились дальше на перекладных по бездорожью. Огромные расстояния и жуткий холод, пять ночей не могли даже заснуть — и были всё ещё на полпути в Черновцы. Но даже когда их колымага посреди ночи опрокинулась в сугроб, молодых людей это не обескуражило, и идея вернуться в Вену им даже не пришла в голову, как отметил дюк.

Буковину он назвал маленькой провинцией, которую император Иосиф II отвоевал у турок. Все местные жители оттуда ушли, и на их место пришли эмигранты с разных концов Германии. Черновцы стали немецкой колонией между Польшей и Молдавией. Дюк написал любопытную фразу: «Здесь действительно заканчивается Европа, так как нравы и обычаи далее посещённых нами провинций будут иметь больше сходства с азиатскими». Ибо дальше их путь лежал в Молдавию, в Бендеры, где находился штаб князя Потёмкина. У молодых офицеров было с собой рекомендательное письмо к Потёмкину, написанное старшим принцем де Линем.

По прибытии в Бендеры путешественники встретили своего четвёртого товарища, графа Роже де Дама, от которого они слышали, что военная кампания завершена, штурм Измаила не будет, а сам Роже в ближайшее время собирается вернуться во Францию. Получалось, что путешественники весь этот долгий путь проделали зря. Тем не менее был ещё слабый луч надежды: по самой последней информации существовал шанс, что попытка штурм Измаила всё-таки будет предпринята. Друзья отправились на приём к светлейшему князю Потёмкину-Таврическому. После десяти дней и десяти ночей пути по безжизненным степям путешественники оказались не готовы к роскошному зрелищу, которое они увидели при входе в салон князя: Потёмкин возлежал на диване, обитом золототканой материей, под роскошным балдахинном, в отороченном соболем халате на голое тело. Вдоль стен стояли

полсотни офицеров. Комната была освещена большим количеством свечей. Рядом с князем возлежали в разных позах пять очаровательных женщин, одетых богато и со вкусом. Шестая, княгиня Долгорукая, к которой Потёмкин сильнее всех благоволил в тот период, устроилась подле князя на подушках на восточный манер. Стоит отметить, что это был первый раз, когда дюк увидел «прекрасную фанариотку» Софию де Витт, графиню Потоцкую, к чарам которой он не останется равнодушен, будучи губернатором Одессы. В результате чего выполнит обещание Потёмкину и отдаст ей во владение самые лучшие крымские земли рядом с будущим Никитским ботаническим садом.

Князь Потёмкин принял молодого герцога де Фронсака с уважением, но с холодной сдержанностью, соответствовавшей его характеру, который, вопреки его всемогуществу, отличался сильной неуверенностью и застенчивостью. Герцог охарактеризовал его так в своём «Дневнике»: «Князь Потёмкин, чья власть, особенно в армии, не имеет границ, — один из необыкновенных людей, которых трудно постичь и редко встретишь, удивительная смесь величия и слабости, смешного и гениального. Положение, которое он занял, доказывает, что сумма его достоинств превосходит многие его недостатки. Князь Потёмкин морально и физически обладал большим превосходством, которое внушает уважение и заставляет повиноваться. Хотя он никогда не путешествовал и почти никогда не читал (можно сказать, что вместо книг он читал людей), его знания во всех сферах были очень обширными; подобно пчеле, которая собирает нектар со всех цветов и создаёт новую чудесную сущность, он перекачивает знания людей, которых он встречает, и его память без труда усваивает всё, что для других людей показалось бы тяжёлой и нудной работой... Ничто не может быть более острым и пикантным, чем его разговор... Как многие из людей, достигшие вершин власти, он был рабом своих капризов... Его роскошь и великолепие в армии образовывали действительно странный контраст со стерильностью тех местностей, где шла война... Ничто не казалось невозможным для этого необыкновенного человека, и немислимые вещи на любой вкус происходили только по простому знаку его желания».

Герцог провёл в Бендерах три дня, в течение которых обедал и ужинал у князя Потёмкина. За это время экспедиция в Измаил становилась всё более и более вероятной. Потёмкин начал привязываться к герцогу де Фронсаку (в будущем светлейший князь скажет, что из всех иностранцев он больше всех уважает де Линя-отца и Ришелье, у которого он отметил мудрость, скромность и ценнейшие человеческие качества). Наконец, молодым французам сообщили, что их направят в Измаил под командование адмирала де Рибаса. Так под стенами этой крепости судьба свела всех людей, которые позже сыграли основополагающую роль для Одессы.

Дюк не стал описывать все подробности осады, ибо гораздо более захватывающими стали впечатления французского волонтера об окружающих людях и их укладе жизни. Герцог в восторге от донских казаков, свободных и воинственных людей, которые в качестве лёгкой кавалерии превосходят все войска того же рода во всех армиях Европы и которых пруссаки после Семилетней войны вспоминают с ужасом. Герцог удивлён привычке русских рыть подземные убежища, которые называются *zemlianka*, но нашёл это практичным и удобным. Русские солдаты поразили его своим восхитительным мужеством и терпением, с каким они переносят любые тяготы. Герцог посчитал, что всем другим нациям стоило бы поучиться у русских. Несмотря на все лишения, тяжёлые работы под обстрелами, обрывки отдыха и сна на мокрой и ледяной земле, они не теряют своего веселья, которое всегда свойственно им. Нет во всей Европе никого веселее русских солдат. Нередко можно увидеть, как они поют 5 или 6 часов без перерыва. То, что они едят, показалось бы недостаточным для других солдат. Они называют это *kascha*, со щепоткой соли. Ни хлеба, ни мяса, ни овощей. И что самое замечательное, они так же сильны и энергичны, как австрийский солдат, — самый накормленный солдат в Европе. Такая простота в сочетании с отвагой и послушанием делают русского воина самым лучшим солдатом Европы. Упрёк русской армии был один — мало заботы о своих людях. Большинство раненых умирают из-за ошибок хирургов и недостатка лекарственных средств, хотя снабжение можно было бы наладить благодаря огромному количеству лошадей, всегда сопровождающих русскую армию. Но человеческая жизнь здесь имеет маленькую цену. В такой огромной стране легко призвать новых людей, которые заменят погибших. Дюка поразила беззаботность командования и пренебрежение всеми средствами, которые используют в других странах для сохранения жизни солдат. Очень высокий уровень напрасного расхода людей ужасает герцога, потому что это можно было бы предотвратить, но никому это не нужно. Оказалось, что самыми высококвалифицированными под Измаилом в ту пору были два французских хирурга.

В России всё было очень ново для герцога, поэтому к любым неудобствам он относился с лёгкостью: и сон на холодной земле, где пальто заменяло матрас, и даже самая плохая еда принимались с радостью. Аскетический характер дюка именно в таких условиях сослужил ему хорошую службу.

Крепость Измаил всё время обстреливалась артиллерией, были приняты многочисленные атаки, но в целом адмирал де Рибас понимал, что канонада здесь дело не решит и необходим полноценный штурм. Для штурма ему требовались также войска других генералов, которые, однако, заупрямились, не желая отдавать лидерство и основную славу

иностранцу. Князь Потёмкин втайне поддерживал де Рибаса, и, чтобы помочь реализовать план штурма и привести всех генералов к консенсусу, в армию был направлен главнокомандующий, чей авторитет не нуждался в дополнительных представлениях — граф Суворов. Таким образом, сбылось авантюрное предсказание курьера из русской армии, сделанное в Вене.

Прибытие графа Суворова верхом на коне, без экипажа и палатки, произвело сильное впечатление на войска. Этому генералу сопутствовала победа во всех сражениях, и его присутствие внушало солдатам доверие по отношению к рискованным предприятиям. Его совсем простой быт (в его палатке не было даже стульев), приветливость, добродушие вызывали любовь у каждого в его армии. По мнению дюка, этот необычный человек, более похожий на казачьего атамана, чем на генерала европейской армии, был наделён незаурядными бесстрашием и мужеством, благодаря которым пренебрегал всеми правилами ведения войн, составляющих военное искусство. Эксцентричность привычек Суворова поразила дюка. Он не писал в своём «Дневнике» об их первой встрече, но рассказывал эту анекдотическую историю в кругу друзей, и она оказалась зафиксированной в «Мемуарах графа де Рошешуара». Когда холодным морозным утром герцог отправился представиться главнокомандующему, он увидел странного человека без одежды, морщинистого и худого, который скакал по траве и «выделял отчаянную гимнастику». «Кто этот сумасшедший?» — спросил герцог, и ему ответили, что это главнокомандующий. Суворов заметил новоприбывшего и поманил к себе. Узнав его имя, он опознал внука маршала де Ришелье и посоветовал ему делать такие упражнения, поскольку это лучшее средство против ревматизма. Суворов сделал ещё два-три прыжка и убежал в палатку, оставив своего собеседника в крайнем изумлении.

Дюк описывал в своём дневнике, что у Суворова не было собственной лошади, и он вскакивал на коня первого встреченного им казака и скакал во весь опор туда, куда ему было необходимо, не опасаясь ни выстрелов, ни возможности быть взятым в плен. Его манера высказываться на всех языках была такой же странной и противоречивой, как он сам. Дюк сравнил его в этом качестве с кардиналом Мазарини. Очень большая набожность Суворова также способствовала его популярности среди войск.

Когда турки в очередной раз отказались сдать Измаил, на военном совете был принят план штурма, предложенный адмиралом де Рибасом. Герцог де Фронсак оказался в колонне бригадного генерала Маркова, из которой половина офицеров была убита уже в самом начале штурма. Принц де Линь, чьи инженерные таланты очень помогли в создании

укреплений, был ранен в колено почти в самом начале боя и плакал от досады и боли, что не мог участвовать в дальнейшем сражении. Генералу Маркову разможило ногу картечью. Вопреки существующему мнению о ранении дюка во время штурма Измаила, сам дюк писал о том, что ему дважды выпало счастье избежать ранений. В первый раз пуля пробила его шляпу и застряла в подкладке, а в это время вокруг герцога люди падали со всех сторон и вся земля была усыпана мёртвыми телами. Во второй раз выстрел из ружья попал в его брюки на уровне колена, и пуля застряла в ткани, не ранив герцога. Похоже, что его действительно хранил Господь для более великих дел.

Несмотря на то, что герцог героически сражался среди людей, чьего языка он не понимал, самый знаменитый его подвиг произошёл уже после того, как крепость была взята. Начались три часа ада, где опьянённые бешенством солдаты, которых не смогла бы остановить даже императрица, убивали мужчин, женщин, стариков и детей. Дюк отказался даже описывать подробности. Среди трупов женщин он обнаружил турецкую девочку лет десяти, которая безуспешно пыталась спрятаться от ярости казаков, готовых её зарубить. Герцог, не колеблясь, подхватил ребёнка на руки, однако эти казаки попытались вырвать свою добычу даже из его рук. Дюку стоило огромного труда, чтобы удержаться и не изрубить их саблями, а прогнать, осыпав ударами и бранью. Девочка, увидев, что её спаситель не хочет ей никакого зла, обняла его за шею. И так герцог нёс ребёнка на руках, перешагивая через трупы, чтобы ей не пришлось «ступать по телам своих соотечественников». Мне бы очень хотелось, чтобы однажды кто-то из художников написал такую батальную картину и назвал её «Человечность». Но если художники этим не занялись, так этот подвиг воспел лорд Байрон в своей поэме «Дон Жуан». Таким образом, Ришелье стал прототипом героя Байрона в главах об Измаиле.

К сожалению, по просьбе брата адмирала де Рибаса ребёнка пришлось отдать туркам, которые заперлись в бастионе и потребовали эту девочку, т. к. она явно была высокого происхождения. Фронсаку обещали, что завтра её заберут обратно, однако ребёнка больше никто не увидел.

«Век не увижу такого дела. Волосы дыбом становятся, — писал жене Кутузов, командовавший одной из колонн. — Вечеру приехал домой, как в пустыню... Кого в лагере ни спрошу, либо умер, либо умирает». Тем не менее французских волонтёров судьба хранила, и все четверо — Фронсак, Ланжерон, Роже де Дама и раненый де Линь — пережили этот штурм. Всё как в романах Дюма.

В Бендерах они вновь навестили князя Потёмкина, который их встретил с бесконечной любезностью и добротой, и они ему абсолютно надоели своими описаниями ужасов, произошедших в несчастном городе Измаиле. Именно в этот период герцог познакомился ближе

с Потёмкиным и узнал его характер с тех сторон, о которых он рассказывал ранее. Потёмкин уговаривал их остаться в России, обещал им своё покровительство, но неотложные дела требовали возвращения в Европу.

В Вену герцог де Фронсак и Шарль де Линь вернулись с триумфом. Едва приехав, дюк узнал о смерти своего отца в Париже, куда ему предстояло отправиться, в самое жерло революции, чтобы принять титул герцога де Ришелье и уладить все дела, связанные с наследством и непомерными долгами своих предков. Там же он узнал, что российская императрица наградила его крестом Св. Георгия 4-й степени и золотой шпагой «За храбрость».

Заключительное слово предоставим Екатерине II. В письме барону Гримму она оставила следующие поистине пророческие строки: «Единогласны отзывы о нынешнем герцоге Ришелье. Хочу, чтобы он разыграл во Франции роль кардинала этого имени, не обладая, однако, его недостатками. Я люблю людей с достоинствами, а потому и желаю ему всего хорошего... Назло народному собранию я хочу, чтобы он оставался герцогом Ришелье и помог восстановить монархию». Через несколько десятилетий пожелание императрицы сбудется.

Список использованных источников

1. Waresquiel, E. Leduc de Richelieu. — Perrin, 2009.
2. Rochedouart, L. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. — Paris, Plon, 1892.
3. Сборник Императорского Русского Исторического Общества, том 54. Герцог Арманд-Эммануил Ришелье. Документы и бумаги о его жизни и деятельности. — Санкт-Петербург, 1886.
4. Глаголева, Е. Дюк де Ришелье. ЖЗЛ. — Москва: Молодая Гвардия, 2016.
5. Воспоминания графа Леона Рошешуара, адъютанта герцога де Ришелье, об Одессе и Новороссии. — Одесса: Optimum, 2009.
6. Крюкова, И. Никитский ботанический сад. История и судьбы. — Симферополь: Н.Орианда, 2011.

УДК 929(47:44)

ПРИДВОРНЫЙ, ВОИН, РЫЦАРЬ ЧЕСТИ. А. Э. ДЕ РИШЕЛЬЕ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В. В. Кожин¹

В данном исследовании автором проанализированы архивные документы, свидетельства современников и факты, доступные для изучения, касающиеся деятельности Армана Эммануэля де Ришелье (1766–1822) в годы Великой Французской Революции. Освещены его позиции в аспекте контрреволюционной борьбы эмигрантских армий под началом Принца де Конде, обусловившие переход герцога де Ришелье на службу в Российскую империю в конце XVIII века.

Ключевые слова: Армия Конде, история XVIII века, история России, история Франции, Людовик XVI, Мария-Антуанетта, А. Э. де Ришелье, Французская революция, эмиграция.

В истории Французской революции и по сей день остаётся достаточно количество белых пятен, несмотря на усилия учёных пролить свет на события этого печального, но переломного момента истории. Во всём многообразии научных трудов в русскоязычной сфере до сих пор наименее освещённой является деятельность так называемой Армии Конде, которая сражалась под началом кузена короля за восстановление монархических устоев в мятежной стране. Несомненный интерес представляет также фигура знаменитого герцога Ришелье, карьера которого началась при королевском дворе Старого режима и продолжалась в ревностной борьбе в эмиграции (определение, впрочем, не совсем верное по отношению к герцогу — об этом нами будет замечено позже). Актуальность данной работы особенно выражена в год 230-летия со дня начала Великой французской революции, а исследованные документы, архивные материалы, материалы частных коллекций позволяют прояснить некоторые аспекты этого весьма значительного события в истории Европы новейшего периода.

Арман Эммануэль София Септимани де Виньеро дю Плесси, граф де Шинон, герцог Д'Эгийон, герцог де Фронсак, 5-й герцог де Ришелье, родился 24 сентября 1766 года в Париже, в доме своего отца, маршала де Ришелье, друга детства короля Франции Людовика XV, в «Отель д'Антэн», что на Рю-Нёф-Сент-Огюстен. Крещение его произошло в приходской церкви Сен-Рок, в метрических книгах которой и по сей

¹ **Владислав Владимирович Кожин** — главный хранитель ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник».

день можно отыскать запись, датированную 25 сентября 1766 года [4, с. 347–353]. После ранней смерти старшего брата Арман Эммануэль стал единственным наследником семьи и принял младший фамильный титул графа Шинонского².

Карьера единственного наследника могущественного французского рода, возвысившегося при Людовике XIII и верно служившего Франции вот уже более 150 лет, началась при королевском дворе в 1783 году. После женитьбы³ и последовавшим за этим трёхгодовым путешествием по Европе 17 лет от роду он был зачислен в драгунский полк королевы Франции Марии-Антуанетты в звании младшего лейтенанта. Известный при дворе своей целомудренной строгостью, весьма необычной для столь юного возраста, граф де Шинон (титул, который носил герцог с 1766 по 1788 год) быстро стал доверенным лицом королевы. Как вспоминает Луи де Рошешуар, племянник и названный сын Ришелье: «Королева (Мария-Антуанетта. — *Прим. авт.*) по многим вопросам находила советчика в лице господина герцога. Живя в скромном уединении Трианона, она была отрезана от общей жизни версальского дворца, скованного этикетом, которого она не любила. Этот парк стал оградой для неё от придворных, которые не приняли её. Будущий герцог Ришелье, в ту пору лишь граф де Шинон, часто становился посредником в деловых вопросах, которые требовали внимания короля, имел право входить в кабинет без доклада и пользовался всяческим доверием Их Величеств» [15, с. 252].

Доверие королевы способствовало карьерному продвижению Армана Эммануэля. Молодому дворянину благоволил король, и уже в 1786 году, по настоянию Людовика XVI, он занял наиболее значительный придворный пост — должность первого камергера короля Франции⁴. Ришелье тяготился протоколом, его не прельщал блеск двора и его условности, однако данная должность позволяла присутствовать на всех

---

² Семье Ришелье в своё время принадлежал и знаменитый замок Шинон, с которым тесно связаны эпизоды Столетней войны. Сюда прибыла Жанна д'Арк для того, чтобы встретиться с дофином. В XVII веке работами по перестройке замка занялся кардинал Жан Арман де Ришелье (1585–1642), однако потолок главного зала обрушился, и до настоящего времени замок остаётся в руинах.

³ Женой герцога стала Аделаида Розалия де Рошешуар. Брачный контракт будущих супругов был подписан лично королём Людовиком XVI в Версале 14 апреля 1782 года [4, с. 353], а спустя две недели, 4 мая, в салоне и часовне отеля д'Антэн состоялась церковная церемония, после которой, однако, начались годы странствий юного герцога де Шинона по странам Европы — Арман Эммануэль уехал из Парижа уже через четыре месяца после свадьбы.

⁴ Эта затейливая для современного читателя должность налагала определённые обязательства. Первый камергер был обязан находиться при пробуждении и отходе короля ко сну, подавать рубашки, следить за верностью проведения придворных церемоний и руководить ими [4; 5, с. 133–135].

важных совещаниях и встречах, в которых принимал участие Людовик XVI. Так или иначе, граф де Шинон стал одним из приближённых советников Людовика. Часть корреспонденции, связанной с государственной деятельностью, равно как и экономические проекты, в огромном количестве принимаемые к рассмотрению королём, попадали в руки Армана Эммануэля по настоянию монарха⁵. В юном двадцатилетнем графе король разглядел будущее государственного человека.

Это была хорошая, хоть и трудная школа. Фигура набиравшего могущество юнца, который в 1788 году стал носить титул графа де Фронсака, вызывала зависть у придворных интриганов. Людовик XVI⁶, будучи набожным и кротким человеком, не обладал, однако, ни силой воли своего прапрадеда, ни дерзостью своего деда — Людовика XV, таким образом, защиты у короля искать не приходилось, и уже вскоре будущий герцог Ришелье настоятельно просил короля принять его отставку с придворной должности. После некоторого промедления разрешение (не без сожаления, надо полагать) было получено, и Арман Эммануэль поспешил уехать. Его карьера продолжилась в Австрии.

Следующий 1789 год, год, столь значимый и сложный в истории Франции, застал графа де Фронсака капитаном гусарского полка на службе у князя Эстерхази⁷. События 14 июля дошли до Вены с некоторым опозданием, но не смогли не взволновать Армана Эммануэля.

Сразу же им был выхлопотан отпуск, и в начале осени, будущий герцог Ришелье, желая вступить под роялистские знамёна, оказался среди бунтующего народа Парижа. Бастилия уже была разрушена, и, хоть всё ещё происходили королевские праздники, выпускались эдикты, и подписывались декреты рукой короля, над Версалем стали собираться тучи.

⁵ В архиве, перешедшем по наследству к крестнице А. Э. де Ришелье, А. О. Смирновой-Россет (1809–1882), впоследствии переданном семье Л. Д. Языковой (1805–1889), содержатся письма Ришелье и его жены, урождённой графини де Рошешуар, графа де Сен-Жермена. Также обращают на себя внимание и требуют более пристального изучения документы, содержащие резолюции Людовика XVI, заметки и письма королевы Марии-Антуанетты (одно из которых описывает первые дни революции и адресовано её брату, королю Германии, Императору Священной Римской Империи Леопольду II) [2; 12; 20].

⁶ Людовик XIV (1638–1715) — король Франции из династии Бурбонов. Годы его правления означены наивысшим расцветом и могуществом Франции. Фаворитка короля, Франсуаза де Монтепан (урождённая графиня де Рошешуар, мадемуазель де Тонне-Шарант) (1640–1707) была из рода, к которому также принадлежала супруга А. Э. де Ришелье.

⁷ Князь Миклош Иосиф Эстерхази «Великолепный» (1714–1790) — граф Форхенштайн, один из богатейших людей Венгрии, пятый князь Эстерхази-Форхенштайн, имперский фельдмаршал (16 апреля 1770 года). Широко известен как меценат; из основанной им в Айзенштадте музыкальной школы вышли Й. Гайдн и И. Плейэль.

Отходя от темы исследования, отметим, что XVIII век породил виднейших учёных, естествоиспытателей, композиторов, художников — людей ремесла и искусства, которые украсили своей жизнью канву человеческой истории. Однако последняя четверть столетия ознаменовалась процессом, который надолго поверг в ужас всё просвещённое общество мира.

Упрощая, скажем, что взбунтовавшееся третье сословие отказало двум другим сословиям в праве распоряжаться общими ресурсами и пожелало изменения государственного порядка. Террор, последовавший за первыми годами восстаний, задекларировал невозможность возврата к прежнему порядку. В это время Франция, раздираемая изнутри собственной нацией, вела отчаянную борьбу. Помощь в этом оказывали соседние империи — Австрия, Германия и, что немаловажно, Россия, во главе которой стояла Екатерина II [8; 11; 12].

Второй гром прогремел 5 октября 1789 года, когда начался поход крестьян на Версаль, в котором волею судьбы граф де Фронсак также принял непосредственное участие.

Неконтролируемые толпы людей шли по королевской линии от Лувра до загородной резиденции монархов. По некоторым историческим сведениям, также косвенно приводимых в своих записках Л. Рошешуаром [15, с. 126–129], Ж. П. Марат призывал крестьян к немедленному свержению монархии. Арману Эммануэлю не оставалось ничего другого, как смешаться с толпой и двигаться на Версаль, чтобы предупредить об опасности королевскую семью. Не в силах совладать с неуправляемой массой, герцог принял решение опередить её.

Сделав крюк, ему удалось пробраться в парк со стороны и попасть к королеве как раз в тот момент, когда крестьяне сломали решётку дворца и прорвались внутрь. Мария-Антуанетта послушалась совета своего бывшего лейтенанта драгунов и нашла убежище в апартаментах короля, бывшие под двойной охраной. Таким образом, возможно, герцогу удалось тогда предотвратить неизбежную расправу толпы над королевской семьёй.

С тех пор граф де Фронсак пользовался безграничным доверием Людовика XVI и королевы. Находясь при опальной королевской семье, рискуя своим положением и жизнью, Арман Эммануэль покинул Париж лишь по личной просьбе и настоянию Марии-Антуанетты зимой следующего 1790 года. Королевой для него было уготовано новое задание, в случае успеха которого ещё была надежда на спасение старого порядка.

Граф де Фронсак с рекомендациями выехал из страны, чтобы встретиться с императором Австрии Иосифом II. Мария-Антуанетта надеялась заручиться его поддержкой в случае обострения ситуации внутри

королевства. Однако удача отвернулась от Франции: брат королевы, Иосиф II, измученный лихорадкой и открывшимся туберкулёзом, умер 20 февраля 1790 года в возрасте 49 лет. Арман Эммануэль успел приехать лишь на его похороны.

Далее граф де Фронсак предпринял новую поездку, на этот раз во Франкфурт, для того чтобы присутствовать на коронации императора Леопольда II, с которым позже будущий герцог Ришелье вернулся в Вену, и там через посредство графа Акселя фон Ферзена заручился поддержкой австрийского правительства.

Возвращаясь к основной теме повествования, отметим, что события, произошедшие во Франции в 1791 году (возвращение королевской семьи под конвоем из Варенна в Париж 21 июня⁸, принесение присяги Людовиком XVI новой конституции, провозглашённой Законодательным собранием 14 сентября того же года) не могли не оказать деморализующий эффект на дворян, покинувших Францию в самом начале революционного движения.

В письме Екатерине от 3 декабря 1791 года королева Мария-Антуанетта писала: «Король принял конституцию не потому, что признал её хорошей или хотя бы осуществимой, но исключительно ради того, чтобы не создавать повода к ещё большим волнениям и несчастьям в королевстве, которые крамольники не преминули бы приписать его отказу. Он принял её в надежде лучше вскрыть её недостатки и, делая вид, что желает провести её в жизнь, этим на практике показать её непригодность» [11, с. 460–462].

Тогда же начала формироваться новая контрреволюционная сила, направленная на восстановление в государстве прежнего порядка. Она получила название «Армия Конде» по имени своего предводителя. Не последнюю роль в её формировании и обеспечении сыграла Российская империя.

В течение всего XVIII века, параллельно с развитием России как мировой державы, связи между государствами двух стран становились все более продуктивными. Заглядывая в начало века, следует отметить задумки царя Петра Великого по формированию альянса с Францией времени правления Людовика XIV, но особенно полно взаимоотношения двух держав укрепились именно в годы Французской революции [7; 11; 15]. С самых первых дней июля 1789 года императрица Екатерина II проявила себя поборником нерушимости королевской власти и была одной из не-

⁸ Семья Людовика XVI пыталась бежать из революционного Парижа, используя паспорт, выданный русским послом И. М. Симолиным. Россия последовательно входила во все (кроме пятой) антифранцузские коалиции — младший брат Людовика XVI граф д'Артуа, царствовавший под именем Карла X, был принят в Санкт-Петербурге. Екатерина II стала единственным из монархов, использовавшим все дипломатические сферы влияния, чтобы добиться признания европейскими дворами Людовика XVIII королем Франции [7; 12].

многих, кто, не колеблясь, на протяжении почти всего революционного движения оказывала поддержку Бурбонам даже более последовательно, чем их коронованные родственники из Австрии или Германии⁹.

В конце концов эпоха сменилась, но деятельность герцога Ришелье как участника и куратора одного из подразделений европейской антиреволюционной коалиции только начиналась.

Серьёзно опасаясь подобного развития событий в России Екатерина II возложила на А. Э. де Ришелье ряд дипломатических поручений в Кобленце (центре французской контрреволюционной эмиграции). Итоги работы герцога, надо полагать, были детально рассмотрены императрицей в эрмитажных собраниях для сугубо узкого круга приближённых, в которых герцог был частым приглашённым гостем¹⁰ [8; 13; 19].

Людовик Жозеф де Бурбон, принц де Конде (1736–1818), чья жизнь прошла в военных победах, сражениях во имя короля и за честь Франции, в конце получил от собственного народа пощёчину — его происхождение от Людовика Святого, его знатность, ничем не уступающая самим королям¹¹, стали приговором блистательной карьеры.

Главный распорядитель дома Бурбонов, генерал-полковник пехоты, он не сдал ни одной позиции в сражениях Семилетней войны, в бытность губернатором Бургундии всячески развивший этот край, человек, образ которого позже активно использовала прокоролевская пропаганда, сам оказался эмигрантом и, чтобы обеспечить армию, был вынужден продать свои драгоценные ордена, полученные при Старом режиме.

Несмотря на то, что в 1780-х годах Конде заслужил репутацию одного из наиболее либеральных принцев, он известен своим сопротивлением удвоению числа депутатов от третьего сословия при созыве Генеральных

⁹ Напомним о том, что Мария-Антуанетта предпринимала несколько попыток донести информацию о небезопасном положении королевской семьи к своим венценосным братьям Иосифу II и, после кончины первого, Леопольду II, однако, впрочем, не проявившим должной инициативы. Шифрованные и обычные послания королевы Франции сохранились в архиве Национальной библиотеки Франции и также требуют дополнительного изучения [1; 2; см. также ВнФ, NIM13418-13521].

¹⁰ «По воскресеньям в Эрмитаже устраивалось большое собрание, на которое допускался весь дипломатический корпус и особы первых двух классов. Государыня выходила в зал, где было собрано всё общество, и вела беседу с окружающими. Затем все следовали за ней в театр». Из мемуаров фрейлины В. Н. Головиной.

¹¹ Во французском архиве (Archive Nationale) хранится небольшой, в половину листа, гравированный портрет принца Конде, под которым в щите изображена рука, в которую вложена шпага, увенчанная короной. Под рамкой приведён катрен (*Пер. авт.*):

«В объятиях Победы ты велик,

Ещё величие твоё ясней в несчастьи.

Успех его при Свете — предков суть участие,

Но лишь в руке его — всей Славы миг» [3; 5].

Здесь ясно видна аллюзия на Людовика Жозефа — Людовика II де Бурбона, четвёртого принца Конде (1621–1686), получившего прозвище Великий.

штатов (в 1789 году). После взятия Бастилии принц поспешил уехать за границу — сначала в Нидерланды, затем в Турин, чтобы осесть, наконец, в германских землях. Однако деятельность Людовика Жозефа, в отличие от его кузена графа Прованского (будущего короля Людовика XVIII), не ограничивалась лишь нерешительным наблюдением за крахом старого порядка [11; 13; 15]. В самом начале революции он принялся за формирование армии, которой бы было под силу отстаивать право Бурбонов на трон. Армия была специфической — при практически полном отсутствии солдат их роль выполнял офицерский и высший офицерский состав. Названия «Армия Принцев», «корпус Конде», «легион Мирабо» говорили сами за себя. «Армия обычно состоит из солдат примерно одинакового возраста, одного роста и сходной силы, — вспоминал позднее Ф. Р. де Шатобриан. — Наша была совсем иной, беспорядочным объединением людей зрелых, стариков и спустившихся с голубятни детей. <...> Отец служил рядом с сыном, тесть — с зятем, дядя — с племянником, брат — с братом, кузен — с кузеном. В этом ополчении, каким бы смешным оно ни казалось, было нечто трогательное и достойное уважения, поскольку люди руководствовались искренними убеждениями» [3, с. 373–374].

Судьба герцога де Ришелье оказалась на время связана с деятельностью Армии Конде. На эрмитажных собраниях в Петербурге стали ощущаться подавленность и беспокойство. 10 августа 1792 года в Париже вспыхнуло восстание, организованное столичной Коммуной. Тогда же Людовик XVI и вся его семья были арестованы и перевезены в Тампль. Монархия окончательно перестала существовать, а 21 сентября Конвент провозгласил Францию республикой. Этот момент стал страшнейшим ударом для всего просвещённого мира.

Получив печальные известия из Парижа, поступив на русскую службу, именно герцог де Ришелье на исходе 1792 года передал лично Екатерине II письмо принца Л. Ж. де Конде с просьбой о помощи [11, с. 421; 12]. Совершая свою дипломатическую миссию, Ришелье не мог не думать о событиях, заставлявших его опасаться за жизнь королевской семьи, — теперь лишь заложников Тампля, узников башни Банкротов. Август и сентябрь подвели роковую черту под тысячелетием французской монархии.

В 1792 году Арман Эммануэль окончательно поступил на русскую службу в чине подполковника, вскоре указом императрицы был произведён в полковники с зачислением в Тобольский пехотный полк и в то же время был уволен со службы «в чужие края» [16–18]. Это неожиданное решение было продиктовано следующим условием: в 1792 году А. Э. де Ришелье, оставаясь офицером русской армии, получил возможность участвовать в открытом военном противостоянии рево-

люционной Франции в составе главного корпуса эмигрантских войск, в так называемой Армии Принцев.

Несмотря на злключения монархии, пыл эмигрантского корпуса Конде не стихал. К началу рокового 1793 года относится знаменитый проект, инициатором которого был герцог де Ришелье, заключающийся в создании в южной России так называемой Новой Франции — объединения, построенного по модели северо-американской колонии, которая должна была расположиться в новоприобретённом Россией Крыму.

С этим предложением, подкреплённым суммой в 60 тысяч рублей золотом, Екатерина II и направила Ришелье к Армии для заключения соглашения. Нетрудно себе представить реакцию, которую вызвало столь неординарное предложение в среде борющейся эмиграции, в числе которой значились аристократы — герцог де Блака, Рене де Шатобриан, герцог Шуазель, граф де Ланжерон, граф де Дама, граф де Монлозье и виконт де Бональд. Инициатива Ришелье произвела лишь недоумение, изгнанные роялисты не пожелали разводить овец в южно-русских степях, они жаждали сражаться с Французской республикой, осудившей короля на смерть.

1793 и 1794 годы проходят для Ришелье в дыму и битвах австрийских кампаний в качестве русского офицера, состоявшего на иностранной службе. Он последовательно принимает участие в битвах на Рейне после переворота, случившегося 9 Термидора. В 1795 году в тюрьме Тампля умер дофин Франции, провозглашённый роялистами королём Людовиком XVII. Война была проиграна, и Ришелье вернулся в Россию, где был зачислен полковником в Орденский кирасирский полк [8; 12].

Что же до войск, подчинённых руководству принца Конде, то окончательное решение об их переходе на русскую службу было принято Людовиком XVIII (королём Франции в изгнании) лишь в средних числах сентября 1797 года [1].

Новый император России Павел I максимально ясно и конструктивно изложил предложение, направленное французам, для которых борьба за восстановление монархии не увенчалась хотя бы сколько-нибудь значимыми успехами.

Этим документом император Павел I прежде всего сохранял за офицерами их звания, подчеркивал, что, однако, это распространено будет лишь на тех, кто в офицерском звании переходит на русскую службу. Надо полагать, что в известной степени Павлу I было лестно выступать в качестве благодетеля и Людовика XVIII, и принца Конде, «доставляя им, — как указывал император в августе 1797 года, — в Империи Нашей *безпечное* (sic!) пристанище и по возможности выгодное пристроение» [14].

Людовик XVIII тяготился согласованием своих политических решений с Петербургом, Луи Конде полагал, что заслуживает большего,

его офицеры были недовольны условиями жизни, перлюстрацией писем на родину и тяготами русской службы. Судьба корпуса Конде на русской службе оказалась короткой: применив его в боях с войсками Французской республики в 1799 году, Павел I вернул Армию Конде англичанам, а после заключения Люневильского мира между Австрией и Францией распустил корпус окончательно в июне 1801 года. Принц Конде нашёл прибежище в Англии, а немногим раньше, в январе того же года, был вынужден покинуть Митаву и переехать в Варшаву сам Людовик XVIII.

Судьба же герцога Ришелье сложилась в России весьма удачно — покинув родину в пылу революции, герцог увидел её лишь спустя двадцать лет, разорённую наполеоновскими войнами. Как и в России, где Ришелье ревностно обустроивал Новороссию в должности генерал-губернатора, так и в должности премьер-министра Франции режима Людовика XVIII он заботился о процветании своего государства, однако до конца жизни считал себя «одесситом» [7; 10; 11].

Список использованных источников

1. A. C. Série Z. Tome I. Doc. 215. Людовик XVIII — Конде. 17 сентября 1797 г.
2. Archives Nationales (далее — A. N.). 25 AP 1. Doss. 3. Pièce 28.
3. Chateaubriand F. R. de. Mémoires d'outre-tombe. P., 1990. Vol. I. P. 373–374.
4. Courcelles J. B. P. J. de. Histoire genealogique et heraldique des pairs de France. P. 347–353.
5. Courcelles, J. B. P. J. de. Dictionnaire historique et biographique des generaux francais. T. 9. Paris, 1823. P. 443–445.
6. Lardier, A. Histoire biographique de la Chambre des pairs. Paris, 1829. P. 133–135.
7. Бовыкин Д. Ю. Признание Людовика XVIII (взгляд из России) // Россия и Франция XVIII–XX века. — М., 2003. Вып. 5. — С. 56–77.
8. Глаголева Е. В. Дюк де Ришелье. — М.: Молодая гвардия, 2016. — 298 с.
9. Дульцев С. В. Французы едут в Приазовье // Мелитопольский краеведческий журнал, 2018. № 11. — С. 25–30.
10. Ибнеева Г. В., Лебедева А. И. Вызов иностранных колонистов в Россию в 1760-е годы: начало формирования и реализации колонизационной политики // Учён. зап. Казан. ун-та. — 2018. — Т. 160, кн. 3. — С. 605–615.
11. Леопольд де Стабенрад. «Гробница одесского дюка» // «Всемирные одесские новости». — 2004, № 3 (55).
12. Пискунова Е. П. Деятельность герцога А. Э. Де Ришелье в России // Власть. 2010. — № 10. — С. 108–110.
13. Погосян В. А. Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. — Ереван, 2004. — С. 75 (Архив внешней политики Российской Империи (далее — АВПРИ). Сношения с Англией. 1797. Д. 481. Л. 45. Воронцов — Павлу I. 18/29 сентября 1797 г.)
14. Погосян В. А. Указ. соч. — С. 74 (АВПРИ. Сношения с Пруссией. 1797. Д. 503. Л. 23. Павел I — Панину. 14 августа 1797 г.)

15. Рошешуар Л. Мемуары графа де-Рошешуара, адъютанта императора Александра I: (Революция, Реставрация и Империя). — Москва: Сфинкс, Н. Ф. Прорубникова, 1914. — 471 с.
16. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 971. Л. 117, 118 об.
17. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 974. Л. 2.
18. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 974. Л. 31.
19. Третьякова Л. Последний из рода Ришелье // Вокруг света. — 2001. — № 1 (2724).
20. Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI: русско-французские отношения. — М.: Наука, 2001. — 509 с.

УДК 94(477.75)

ВЛАДЕЛЬЦЫ ИМЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛЬШОГО ГУРЗУФА — УЧАСТНИКИ ВОЙНЫ 1812 ГОДА И ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ РУССКОЙ АРМИИ 1813–1814 ГОДОВ

Н. М. Макарухина¹

В 1808 году в окрестностях деревни Гурзуф приобрёл первые земли своего будущего имения новороссийский генерал-губернатор герцог де Ришелье. К 1814 году владения герцога составляли «279 дес. 1681 саж.» [1]. Большая часть этих приобретений располагалась в современном Ай-Даниле.

Тогда на территории Большого Гурзуфа от горы Аю-Даг на востоке и до мыса Мартьян на западе было 2 имения: самого герцога и первого директора Императорского Никитского сада Х. Х. Стевена. Земли Ришелье и Стевена были пограничными [2]. В 1814 году герцог навсегда покинул Россию. Но вся его собственность в Одессе и Тавриде оставалась до его кончины в 1822 году за ним. В этот период с 1815 по 1818 год недалеко от границы с Бельгией в Мобёже располагался русский корпус во главе с генерал-лейтенантом графом М. С. Воронцовым, одним из героев Бородина. По различным организационным и хозяйственным вопросам герцог Ришелье, в те годы премьер-министр Франции, и командующий русским корпусом граф Воронцов не раз встречались. Эти встречи и разговоры между ними имели для Южного берега Крыма очень важные последствия.

Рассказы герцога о природе, климате и красотах Южнобережья произвели на графа неизгладимое впечатление, а главное было в том, что на этой земле можно выращивать виноград и делать вино не хуже французского. Через посредничество своего близкого друга, командующего Черноморским флотом адмирала А. С. Грейга, граф Воронцов «9 июня 1821 года» [3] заочно купил у первого директора императорского Никитского сада Х. Х. Стевена первые свои земельные владения на западе Ай-Даниля на границе с деревней Никита, у мыса Мартьян. Это было большое земельное владение в 198 десятин (более 200 га), но почти не освоенное.

Впервые Южный берег Крыма граф Воронцов увидел осенью 1822 года. Секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны действи-

¹ *Наталья Михайловна Макарухина* — историк, член Союза краеведов России, Симферополь.

тельный статский советник Н. М. Лонгинов в письме 5 ноября графу С. Р. Воронцову в Лондон писал: «Последние известия от графа Михаила были из Одессы. В настоящее время он верно уже объехал большую часть южного берега Крыма и скоро вернётся в Белую церковь» [4, с. 386]. Во время этой поездки верхом на лошадях граф убедился в правоте слов, услышанных в Париже от герцога Ришелье.

В начале мая следующего года граф Воронцов получил назначение на новую службу. «Новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник области Бессарабской» — так именуется во вчерашнем указе граф Михаил» — писал Лонгинов в Лондон 9 мая 1823 года [4, с. 387]. Новый генерал-губернатор сразу же озаботился важнейшим для Южного берега обстоятельством — строительством дороги, без которой развитие там было бы невозможным.

В 1824 году Воронцов расширил свои земельные владения на территории Гурзуфа и Ай-Даниля, купив у наследника герцога Ришелье его имение. Теперь у графа было почти 478 десятин, т. е. почти 490 га. На земле Ай-Даниля граф насадил обширные виноградники и был построен первый на ЮБК винподвал, фактически первый винзавод.

По примеру графа Воронцова его ближний круг, т. е. сослуживцы периода Отечественной войны 1812 года и, конечно, службы в Мобёже, стали покупать у местных жителей пустопорожние земли и осваивать их. Известно также, что часть адъютантов и канцеляристов графа, показавшие способности в управлении, получили от Воронцова в подарок земли на Южном берегу Крыма, которые граф предварительно купил у местных жителей.

В Ай-Даниле граф из своего огромного имения выделил небольшие имения своим одесским сослуживцам с условием сажать виноградные лозы. И в окрестностях Гурзуфа — от Аю-Дага до Ай-Даниля — появились несколько таких имений. Советы герцога Ришелье получили продолжение.

В 1825–1832 годах на территории современных комплексов «Горный», «Прибрежный» и лагеря «Морской» МДЦ «Артек» располагались 2 крупных имения графа Густава Олизара и второго директора Императорского Никитского сада Н. А. фон Гартвиса.

Н. А. фон Гартвис родился в 1793 году в Лифляндии в семье полковника польской армии Эрнста Гейнриха фон Гартвиса. В Лифляндии Гартвис закончил Дерптскую гимназию (г. Тарту) и начал учёбу в Дерптском университете. С момента нападения Наполеона на Россию началась его военная служба: Гартвис — участник всех заграничных походов русской армии. В 1824 году граф Воронцов пригласил его в Тавриду смотрителем Никитского сада. Тогда же по совету Воронцова Гартвис купил первые земли в Партените. Здесь же завёл первые виноградники и устроил винподвал, где начал производить вина.

В 1832 году граф Олизар распродал своё обширное, в 200 десятин, имение. Часть этого имения на территории Артека купил Гартвис; а 80 десятин — титулярный советник А. М. Потёмкин. Это земли на территории лагерей «Хрустальный», «Янтарный» и «Морской». Матушка Потёмкина, Татьяна Васильевна Энгельгардт, была одной из племянниц Светлейшего князя Потёмкина-Таврического, а батюшка приходился ему восьмьюродным племянником.

При крещении Александра Потёмкина в 1790 году его восприемницей была императрица Екатерина II. А дальше, как и все дворянские дети, воспитание получил в доме родителей и частном пансионе. С 1791 по 1796 год он — прапорщик Лейб-гвардии Преображенского полка, куда был определён через год после рождения. С 1807 года Александр Потёмкин «явлен в действительную службу, в 1810 году он — подпоручик, а в 1811 году — поручик, в апреле 1812 года назначен адъютантом к генерал-адъютанту барону Розену» [5]. С начала вторжения в Россию армий Наполеона А. М. Потёмкин — участник всех сражений в составе первой западной армии. 26 августа 1812 года он принимал участие в Бородинском сражении, а также под Красным и в других боевых операциях «в пределах России, Германии и Франции, участвовал во взятии Парижа».

В 1816 году Потёмкин «по прошению уволен от службы с чином полковника». «За французскую кампанию А. М. Потёмкин был награждён орденами Св. Владимира IV ст. с бантом, Св. Анны II ст., Золотой шпагой “За храбрость” (бой под Красным), Прусским железным крестом “За заслуги”, Мальтийским крестом Св. Иоанна Иерусалимского» [6].

А. М. Потёмкин приходился двоюродным братом графине Воронцовой, покупка им имения не была случайностью. Потёмкины расширили виноградники Олизара, построили новый винный погреб. Виноградарство и виноделие приносило главный доход. Так же было и в имении Н. А. фон Гартвиса.

На территории комплекса «Прибрежный» одновременно с Потёмкиными у Олизара купил земли брат Т. Б. Потёмкиной — князь А. Б. Голицын. Это территория лагеря «Озёрный». Но Голицын едва успел начать подготовку новых земельных приобретений к посадкам виноградных лоз, как по соседству с ним купил земли Константин Маркович Полторацкий (1782–1858). Он происходил из семьи управляющего Певческой капеллой в Петербурге. Младший сын его Константин по желанию императрицы Екатерины II был определён с двух лет на службу в Лейб-гвардии Семёновский полк. Был очень любим императором Александром I. С 1804 года К. Полторацкий — участник всех сражений: 1805 год — Аустерлиц, 1807 год — Фридланд, Турецкая война (1810–1812), Отечественная война 1812 года, заграничные походы, закончил войну в чине генерал-майора и кавалером всех российских

орденов разных степеней. В 1813 году попал в плен к французам и в 1814 году был освобождён. В корпусе графа М. С. Воронцова, в Мобёже, командовал бригадой. В 1822 году в чине генерал-лейтенанта вышел в отставку. С 1830 по 1842 год — Ярославский военный губернатор.

Назначение Полторацкого губернатором сделало невозможным содержать имение на ЮБК. На земле имения только «была вспахана земля под виноград». В дальнейшем этим имением 80 лет владела семья Ашеров, а в 1913 году его купила на имя сына О. М. Соловьёва, последним владельцем с 1916 года был Н. Н. Бекетов.

Вернёмся ненадолго в Гурзуф. На левом берегу реки Авунды граф Воронцов в 1824 году купил землю и подарил правителю своей канцелярии А. И. Казначееву. Это небольшое имение — всего 4 десятины, но к востоку от Гурзуфа на территории современного лагеря «Речной» МДЦ «Артек» Казначеев купил в начале 30-х годов у графа Г. Олизара и частично у князя Голицына более 40 десятин земли, на которой был разбит уже и виноградник.

Скажем несколько слов о А. И. Казначееве. Александр родился в 1788 году, как и все дворянские дети, начал с детства военную службу. Никанор Лонгинов, брат известного нам Николая Лонгинова, сообщает о нём, что «под диктовку Кутузова он писал на барабане донесение Государю о Бородинском сражении» [7, с. 571]. В это время А. Казначеев — адъютант командующего русской армией. После завершения наполеоновских войн он служил в корпусе Воронцова в Мобёже, где граф обратил на него внимание.

Из письма Николая Лонгинова от 15 мая 1823 года графу Воронцову в Лондон: ему «обещано, что полковник Казначеев, тот самый, который был при нём во Франции, будет переведён в гражданскую службу, чтобы сделаться правителем его канцелярии. Вы так хорошо, граф, знаете Казначеева, что мне нет надобности распространяться о его достоинствах и честности. Последняя побудила графа тотчас же предложить это место Казначееву, который так ему предан, что согласился следовать за ним без всякого колебания» [4, с. 406].

В Одессе Александр Иванович покровительствовал Александру Пушкину, а тот, в свою очередь, сделал портретный рисунок Казначеева.

Чаще всего в заслугу Казначееву ставят его «открытие» И. Айвазовского. В 1828 — годах Александр Иванович был феодосийским градоначальником, и на заборах увидел рисунки будущего великого мариниста. Получив в 1829 году назначение Таврическим губернатором, он взял с собой Айвазовского (Гайвазяна) в Симферополь, где мальчик закончил гимназию. Айвазовский почитал Казначеева вторым отцом.

В Симферополе в период губернаторства Казначеева была обустроена территория за собором Александра Невского, которая ранее представляла собой совершенный пустырь, выгонное место города.

Но вернёмся в Гурзуф. Все разработанные виноградники на территории комплекса «Прибрежный» входили после 1920 года в состав винсовхоза «Гурзуф» и его отделений, пока в начале 60-х годов XX века на этой территории не был построен комплекс «Прибрежный». Но к северу от комплекса виноградники сохраняются, как и в Ай-Даниле, и в имении «Гурзуф». Переработка винограда и производство вин происходит на винзаводе бывшего имения «Ай-Гурзуф».

Начало освоения этих земель тоже приходится на время губернаторства графа Воронцова, первым владельцем их был брат одного из воронцовских канцеляристов (Августа Понятовского) — Дарий Понятовский.

Таким образом, герцог Ришелье оставил в Гурзуфе не только дом, но великолепный парк, и благодаря его рекомендациям Южный берег Крыма стал одним из центров виноградарства и виноделия. И остаётся таким по сей день.

В заключение хочу добавить, что в 1874 году с торгов было продано имение «Суук-Су». Приобрели его сёстры — княгиня Елизавета Александровна Голицына и София Александровна Ермолова. Свёкор княгини, князь Н. Я. Голицын, замечательно рассказывал о заграничных походах 1813–1814 годов русской армии. Николай Яковлевич Голицын (1788–1850) был в своё время начальником гвардейской кавалерийской дивизии, приятелем Ермолова, участником Наполеоновских войн. Он начал службу в 1807 году и окончил её в 1831 году в чине генерал-майора. Его сын, князь Александр Николаевич Голицын, не менее замечательно записал рассказы своего отца, а Пётр Бартенев издал их в журнале «Русский архив». Один из рассказов старого гусара привожу здесь: «Кстати, сообщу забавный случай в деле при Фер-Шампенуазе в 1814 году во Франции. Как известно, Великий Князь Константин Павлович испросил позволение у Государя пустить в дело гвардейских кирасир, не принимавших участия в битвах с самого Лейпцига. Надо было атаковать французскую пехоту.

Дело происходило рано утром, ещё многие на бивуаках спали. Вдруг затрубили тревогу; все вскочили впопыхах, и полковник Захаржевский, старый уже дивизионер, человек страшной толщины и подагрический (впоследствии был комендантом в Царском селе. — *Н. М.*), встал второпях. И спросонья камердинер подал ему енотовую шубу наизнанку, т. е. мехом наружу. (Ему, как человеку больному, дозволено было Великим князем носить шубу; он один во всём корпусе пользовался этим позволением).

Время стояло холодное. Накануне шёл дождь, шуба промокла и была выворочена, чтобы мех просох; так камердинер и подал ему. Мех от сы-

рости и просушки заскоруз и стоял дыбом. Захаржевский надел каску, лядунку, палаш сверх шубы и толстые большие сапоги со шпорами. В этом виде он походил на огромного медведя. Он уселся на лошадь, выхватил из ножен огромный палаш и понёлся вихрем во главе своего дивизиона.

Французские пехотины, большей частью из молодых рекрутов и неотёсанных мужиков, видя эту гигантскую массу русских кирасир, скакавших на них, да ещё впереди одного дивизиона медвежью фигуру огромного Захаржевского, обратились в бегство и побросали ружья. Многие из них сдались.

Тогда кавалергардские эскадроны ворвались в ряды пехоты и начали было рубить палашами. Император Александр Павлович, свидетель этого дела и бывший в то время сам в огне, поскакал в каре и остановил кавалергардов, говоря им, что сдавшихся не бьют. Фигура Захаржевского много способствовала успеху дела. Офицеры и сам Государь долго смеялись и рассказывали о том» [8, с. 196–197].

Список использованных источников

1. ГАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 13. Л. 34.
2. РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Ю. Д. 1539. Л. 6.
3. РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 5. Л. 7.
4. Письма Н. М. Лонгинова графу С. Р. Воронцову // Русский архив. — 1912. — № 7.
5. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 26. Д. 261. Л. 5.
6. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 341. Л. 2 об.
7. Путевые письма Н. М. Лонгинова // Рус. Архив. — 1905. — Кн. 3.
8. Русский архив. — 1887. — Вып. 10.

УДК 929(47:44)

О МУЗЕЕФИКАЦИИ ДВОРЦА РИШЕЛЬЕ

С. А. Макуренкова¹

*К 100-летию памяти
А. Л. Бертье-Делагарда*

Ни одна из дат в жизни А. С. Пушкина не носит местного характера, но все носят характер национальный. Новой звездой восходит пронёсшееся нерасчисленной кометой по небосводу пушкинской жизни пребывание поэта в Гурзуфе. Три недели жизни в Крыму дали невиданный глоток воли и свободы молодому пииту. Он приехал в Гурзуф неоформившимся юнцом, своего рода недорослем, с крайне не ясными представлениями о будущем, а выпорхнул оттуда национальным Поэтом. Вскоре была написана поэма «Бахчисарайский фонтан» — русская литература, совершив невиданный курбет, попала в мировую. Именно с пушкинского «Бахчисарайского фонтана» начинается мировая слава русской литературы².

Сегодня мало что известно об этом волшебном преображении пушкинской души: работа Воображения таинственна. Но в Гурзуфе — противу всех правил — имеется музей А. С. Пушкина как место, куда мы можем принести дары своих восторгов и восхищений. Дворец Ришелье, где вместе с семейством Раевских жил в августе 1820 года А. С. Пушкин, был в те далекие времена единственной европейской постройкой на всём Южном берегу Крыма.

Благодаря усилиям незабвенного А. Л. Бертье-Делагарда сегодня замку Ришелье придан статус музея.

А. С. Пушкин спрятал от всех восхитительный мир крымского очарования своих воспоминаний. В письмах брату и близкому кругу друзей он был крайне скуп. Описание посещения Бахчисарая звучит как предостережение ко всем желающим повторить этот путь. Весьма выразителен в этом плане опыт создания поэтом своей биографии — так называемой Второй программы, написанной около 1833 года. Как известно, она не была завершена. Поэт набросал краткий конспект, где Крым не звучит вовсе, будучи упомянут вместе с Кавказом, а далее, скорее, в Кишинев, к Инзову («Кишинёв — приезд мой из Кавказа и Крыма — Орлов — Ипсиланти...»³).

¹ *Светлана Александровна Макуренкова* — поэт, переводчик, доктор филологических наук, член Союза литераторов России.

² См.: *Макуренкова С. А.* Пушкин 3D: Новая пушкинистика. — М., 2019.

³ *Мясоедова Н. Е.* Пушкинские замыслы. — СПб., 2002. — С. 82–88.

Очевидно, что описание крымского трёхнедельного сидения в Гурзуфе в пушкинские планы не входило: так поступал он со всеми очеретами своего вдохновения, которые хранили тайну его воспламенённых дум. И поделом: после Гурзуфа всю оставшуюся жизнь поэт макал своё перо в чернильницу Чёрного моря⁴.

Прошло около века, прежде чем священное место рождения национального Поэта — каковым оказался Гурзуф — было обозначено на карте российской словесности. В 1913 году А. Л. Бертье-Делагард опубликовал книгу «Память о Пушкине в Гурзуфе», где впервые был поставлен вопрос о музеефикации дворца Ришелье как исторического места.

Прошло два века, прежде чем русская культура вознесла дату пушкинского пребывания в Крыму в помянный великих моментов его биографии. В 2020 году Гурзуф будет единоправным именинником. И никакое другое место не сможет оспорить у Крыма это право пушкинского Праздника. Ибо здесь — именно здесь! — состоялось сакральное посвящение Поэта.

А. С. Пушкин добился того, к чему стремился: Крым надолго вышел из обихода его биографов. «Когда я оглядываюсь на свою далёкую молодость и на Гурзуф того времени, — писал в 1913 году А. Л. Бертье-Делагард, — то не могу припомнить, чтобы там произносилось имя Пушкина в связи с чем бы то ни было, а обожал я его и тогда, плывя против течения, в котором столпы литературы оценивали поэта дешевле пары сапог»⁵.

Русский дворянин, француз по родовым корням, А. Л. Бертье-Делагард оказался первым представителем своей нации, который извинился перед русской культурой за совершённое его соотечественником злодеяние: «Ничто не может быть слишком мелким в познании величайшего сына Русской земли»⁶.

Итак, имя А. С. Пушкина в Гурзуфе не упоминалось. Косвенно А. Л. Бертье-Делагард намекает на влияние генерал-губернаторства графа М. С. Воронцова, но в целом соглашается с А. С. Пушкиным, что человечество «лениво и не любопытно». Хотя известно, что Е. К. Воронцова «до конца своих дней... ежедневно читала сочинения поэта»⁷.

Исследовав тему до времён начала Крымской войны, где его отец сражался на стороне русских, А. Л. Бертье-Делагард свидетельствует, что «все источники, иностранные и русские... не дают ни малейшего намёка на существование какой бы то ни было памяти о Пушкине, с чем-либо связанной в Гурзуфе... Здесь возможно только одно объ-

⁴ Макуренкова С. А. Пушкин 3D: Новая пушкинистика. — М., 2019.

⁵ Бертье-Делагард А. Л. Память о Пушкине в Гурзуфе. — М., 2017. — С. 2.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Удовик В. А. Е. К. Воронцова и А. С. Пушкин. — СПб., 2009. — С. 31.

яснение: ничего никто не записал, потому что никакой там памяти не существовало»⁸. Ни в 1860-х, ни в 1870-х годах имя А. С. Пушкина в Гурзуфе не звучало.

Как человек, ум которого тяготел к законам французского *esprit*, А. Л. Бертье-Делагард подметил одно забавное — ироническое, с точки зрения французской риторики, — обстоятельство: отсутствие упоминания факта пребывания А. С. Пушкина в Крыму нисколько не мешало авторам ставить эпиграфом к своим путеводителям строки из его поэмы «Бахчисарайский фонтан». И не понуждало к дальнейшей рефлексии!

Крымская сторона исторически оказалась дальней окраиной российской метрополии, и сведения о ней поступали туго. Об этом наглядно свидетельствует факт первого посещения полуострова императором Александром I во время его инспекционной поездки в 1818 году. Однако и о его второй поездке к М. С. Воронцову в 1825 году известно крайне мало. До сих пор неясно, где он останавливался в Алушке — современные исторические справочники пестрят упоминаниями о татарских хижинах, включая поездку в Карасу-Базар на могилу Ю. фон Крюденер. В пушкинистике также встречаются сведения о пребывании А. С. Пушкина в хижинах местных жителей. Если бы не усилия А. Л. Бертье-Делагарда, возможно, сегодня одна из них не была бы реконструирована в память о пребывании А. С. Пушкина на крымской земле. «Приведённым достаточно доказывається, — резюмирует А. Л. Бертье-Делагард, — полное отсутствие воспоминаний о Пушкине и связи с чем-либо его имени на месте, в Гурзуфе»⁹.

Исследователь вспоминает о любви, которую местные жители питали к Ришелье, проведшему во дворце всего пять дней в 1811 году. Но народная молва не сохранила ничего конкретного. При этом особым чутьём провидца А. Л. Бертье-Делагард утверждает, что на внутреннем плане — пусть не оставившем внешних зарубок — «это путешествие и отношения поэта с Раевскими имели такое решительное значение в его жизни и творчестве, что выяснение даже мельчайших внешних обстоятельств поездки завлекательно»¹⁰. Только сегодня мы имеем возможность открыть тайну свершившегося с поэтом за три недели пребывания в Крыму поэтического преображения: он приехал в Гурзуф желторотым юнцом с неопределёнными взглядами на будущее, а уехал оттуда национальным Поэтом¹¹.

А. Л. Бертье-Делагард оказался первым, кто поставил перед владельцами дворца Ришелье вопрос о его историческом значении. В духе европейской романтической традиции он увидел в гении места

⁸ Бертье-Делагард А. Л. Память о Пушкине в Гурзуфе... С. 7.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ См.: Макуренкова С. А. Пушкин 3Д: Новая пушкинистика...

Гурзуфа русского поэта, проведшего там неполные три недели. И отдал А. С. Пушкину приоритет быть ликом этого клочка земли, чем напропорочил кокетбельское присутствие Волошина.

Сегодня Коктебель непреложно связан с именем поэта Серебряного века Максимилиана Волошина. Но Гурзуф такой связи с поэтом Золотого века Александром Пушкиным не имеет, хотя «разные мероприятия в пользу края, старания властей, усилия его жителей менее дали Южному берегу Крыма, чем поэзия Пушкина». Все усилия, предпринятые по сохранению памяти о нём, «ничтожны; самый Гурзуф, — считает А. Л. Бертье-Делагард, — следовало бы звать Пушкиным»¹². Он первый высказался о необходимости увековечить Пушкина в Гурзуфе, поставив памятник.

Граф М. С. Воронцов, под влиянием герцога А. Э. Ришелье, ценившего южнобережье Крыма выше французской Ривьеры, купил имение в Гурзуфе в 1822 году. Через два года А. С. Пушкин надеялся оказаться в числе званных на новоселье и дружески приглашал с собой П. А. Вяземского. Второй раз посетить уже перестроенный М. С. Воронцовым дворец А. С. Пушкину, как известно, не пришлось, так как граф нашел строение непригодным для жилья.

Историческая перспектива связи Гурзуфа с именем молодого поэта от М. С. Воронцова оказалась скрыта. А. Л. Бертье-Делагард кратко констатирует, что после Крымской войны влияние М. С. Воронцова в этом краю исчезло бесследно.

В 1834 году имение было продано И. И. Фундуклею, имя которого сегодня известно по его киевской гимназии, в которой училась Анна Ахматова. Дом перестроили и богато отделали, а в 1861 году и вовсе подвергли капитальной переделке.

С этим обладателем дворца Ришелье А. Л. Бертье-Делагард имел личный разговор: «В 1874 г. мне пришлось, идя на пароходе от Ялты до Севастополя, беседовать с тогдашним владельцем Гурзуфа И. И. Фундуклеем. Говорили всего более именно о Гурзуфе же; в него старик-хозяин и сам был влюблён, а потому охотно пояснял и выставлял все его прелести и выгоды, прошлые и настоящие; говорил о его первых владельцах Ришелье и Воронцове, конечно, не преминул бы назвать и Пушкина, лично ему знакомого, — но о нём не было и помина»¹³. Со свойственной французскому уму ироничностью, А. Л. Бертье-Делагард отметил, что поместье, по завещанию, отошло двум племянницам, которые этот край не любили и продали за бесценок. Так в 1881 году имение отошло «богачу мужичку Губонину»¹⁴.

¹² Бертье-Делагард А. Л. Память о Пушкине в Гурзуфе... С. 2.

¹³ Там же. С 3.

¹⁴ Цит. по: там же. С. 78.

В 1880 году Россия прославила имя А. С. Пушкина как национальную святыню. Но Крым остался тихой заводью беспомыслия. Доброе имя Крыма на карте русской культуры восстановил в 1913 году А. Л. Бертъе-Делагард, впервые отдав приоритет поэту перед всеми венценосными именами, дотоле связанными с этой землёй. Самим заглавием книги он публично утвердил нерасторжимость понятий *Пушкин и Гурзуф*. Восстановив лакуну в биографии поэта, в лучшем случае сохранившей воспоминание о пребывании А. С. Пушкина в Одессе, учёный заложил краеугольный камень в национальный пантеон памяти: издание 1913 года «Память о Пушкине в Гурзуфе», принадлежащее перу А. Л. Бертъе-Делагарда, и есть начало музеефикации дворца Ришелье.

УДК 930.1

КРЫМ В ПОЭЗИИ ПУШКИНА

А. В. Носова¹

Крым А. С. Пушкин посетил в 1820 году. Здесь он провёл месяц, с 15 августа по 16 сентября (по старому стилю). Это были незабываемые для поэта недели, сыгравшие в его творческой судьбе важнейшую роль. Крым стал самой заветной и важной вехой на творческом пути поэта. Романтическая тема «полуденной» лирики глубоко отразилась в его произведениях, рождённых и навеянных крымскими впечатлениями. Крым озарил многие поэтические творения Пушкина и во многом повлиял на изменения в сознании современников. Российская общественность смогла по-новому увидеть «полуденную» окраину империи. Крым привлёк пристальное внимание огромной страны, что утвердило его историческое значение для российского государства.

В августе 1820 года Пушкину только исполнился 21 год. Посещение Крыма изменило его творческое мироощущение. Здесь сформировалось пёстрое разнообразие впечатлений, вовлёкших сознание поэта в воображённое мифологическое пространство (*«Воображенью край священный!..»*).

Это определение Крыма в отрывках «Путешествия Онегина» кажется вполне естественным. «В поэзии главное воображенье» — ключевое понятие поэтического словаря Пушкина и важнейшая категория его художественного мышления. Пушкин воспринимал *воображенье* как способность представлять действительность сообразно своему желанию и идеалу — он ощущал *воображенье* как процесс осмысления отношения поэзии к действительности. Александр Сергеевич Пушкин прибыл в Крым с семьёй генерала Раевского и находился здесь месяц. Первыми крымскими городами, которые посетил поэт, были древние Керчь и Феодосия. В Феодосии генералу Николай Николаевичу Раевскому для дальнейшего путешествия до Гурзуфа был предоставлен военный корабль «Або». В ночь с 18 на 19 августа на палубе этого корабля были написаны первые крымские стихи — элегия «Погасло дневное светило».

*Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.
Шумы, шуми, послушное ветрило,*

¹ *Александра Владимировна Носова* — младший научный сотрудник отдела «Музей А. С. Пушкина в Гурзуфе» ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник».

*Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдалённый,
Земли полуденной волшебные края.*

Свои воспоминания о поездке поэт опишет уже в Молдавии — из письма брату Льву 24 сентября 1820 года, Кишинев: «Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я... Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею — вот всё, что осталось от города Пантикапеи. Из Керчи приехали мы в Кефу, остановились у Броневского, человека почтенного по непорочной службе и по бедности. Отсюда морем отправились мы мимо полуденных берегов Тавриды, в Юрзуф, где находилось семейство Раевского. Ночью на корабле написал я Элегию... Корабль плыл перед горами, покрытыми тополями, виноградом, лаврами и кипарисами; везде мелькали татарские селения; он остановился в виду Юрзуфа...»

В письме лучшему другу барону Дельвигу Александр Сергеевич рисует своё впечатление от Гурзуфа так: «Между тем корабль остановился в виду Юрзуфа. Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам; тополи, как зелёные колонны, стройно возвышались между ими; справа огромный Аю-Даг... и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск, и воздух полуденный...» [1].

Это впечатление надолго останется в памяти поэта, и через 10 лет в «Евгении Онегине» Пушкин снова рисует эту картину:

*Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При блеске утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груды ваших гор...*

Рано утром 19 августа парусник зашёл в бухту Гурзуфа. Разместились в доме Армана Эммануэля дю Плесси Ришелье, генерал-губернатора Новороссийского края и устроителя Одессы. В Гурзуфской бухте для него был построен дом в «греческом стиле». Это был один из первых европейских домов на всём побережье. Украшала строение открытая галерея, с неё открывался великолепный вид на бухту и морской простор. Здесь Пушкин жил около трёх недель с 19 августа по 5 сентября 1820 года. В отрывке из письма Дельвигу он вспоминает об этом в будничных тонах: «В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море

и обедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностью “неаполитанскому” Лаццарони» [1]. Конечно же, Пушкин не уподобляет себя итальянскому бездомному, скорее, это ироническое сравнение. Речь идёт о «весёлых нищих», не обременяющих себя поисками насущного хлеба, и всецело преданных бескорыстному творчеству. Таврида для Пушкина в определённом смысле становится символическим понятием. По фразе «в Гурзуфе жил я сиднем...» можно предположить, что поэт не совершал далёких и продолжительных прогулок, в то время это действительно было затруднительно из-за отсутствия дорог на Южном берегу. Местность вокруг была дикой и безлюдной, прорезанной горными тропами и крутыми обрывами. Но окрестности Пушкин всё-таки изучал не только во время прогулок по горным тропам. Он был отличным наездником, на лошади объездил ближайшее побережье от Гурзуфа, Партенита до Никиты. К этим местам Пушкин обратится в заключительных строках «Бахчисарайского фонтана»:

*Волшебный край! очей отрада!
Всё живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин уютная краса,
И струй и тополей прохлада...
Всё чувства путника манит,
Когда в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной
Привычный конь его бежит,
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утёсов Аю-дага...*

Излюбленным местом прогулок у Александра Сергеевича были развалины Генуэзской крепости в Гурзуфе. В стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы...» читаем:

*Когда луна сияет над заливом,
Пойду бродить на берегу морском
И созерцать в забвеньи горделивом
Развалины, поникшие челом.*

В Гурзуфе перед поэтом возникло некое гармоническое целое, ставшее образом земного Эдема или Элизия — поэтической земли неведомой. Образ цветущего Крыма оказался в сознании Пушкина, не избалованного

прежде «семейным счастьем»), напрямую связан с представлением о гармоничной семье. Идеалом семейного счастья стала для поэта семья Раевских, его крымских «благодетелей». В 1820 году семья знаменитого генерала действительно переживала самый счастливый период. Её повседневная жизнь потрясла поэта, впервые столкнувшегося с такими отношениями в семье. В письме брату он с восторгом пишет об этом: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провёл я посреди семейства почтенного Раевского...» Образ «милого» семейства оказался неразрывно связан с впечатлениями о Крыме. Крым для поэта не столько географическое, сколько духовное пространство. В соединении этих явлений Пушкин переживал и осмысливал своё путешествие всю оставшуюся жизнь.

Незаметно пролетело время «свободной, беспечной жизни» в Гурзуфе. 5 сентября Пушкин и Раевские в сопровождении проводника на верховых лошадях отправились вдоль Южного берега. Путники прошли через Ай-Даниль, Никиту, Ялту, Аутку, Алупку, Симеиз и Кикинеиз, через Шайтан-Мердвен («Чёртову лестницу»), Балаклаву (мыс Фиолент, Георгиевский монастырь). Добрался до Бахчисарая, далее в Симферополь и через Перекопский перешеек покинул Крым. В 1821 году в Кишинёве Пушкин делится воспоминаниями о Крыме:

*Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело, синяя блещут воды
И пышные ласкают берега,
Где на холмы, под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?*

Во французском письме (от 10 ноября 1836 года) к князю Н. Б. Голицыну, гостившему в Артеке в усадьбе Потёмкиной, Пушкин пишет: «Как я завидую вашему прекрасному крымскому климату: письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего Онегина: и вы, конечно, узнали некоторых лиц». Годы прошли со времени Крымского путешествия Пушкина. Но 17 «счастливейших» дней в Гурзуфе поэт сохранил в душе! Где же ещё может находиться колыбель Онегина, как не в Крыму? Именно здесь ему открылась свобода творческой мысли, здесь он осознал необходимость создания «свободного романа».

И «простая русская семья», в которой родилась Татьяна, — «милый идеал» и свобода общения. Поэтому нет ничего странного в том, что через столько лет Пушкин определяет колыбелью «Онегина» Крым.

Что же было написано Пушкиным за время пребывания в Крыму? Б. В. Томашевский сумел указать лишь четыре лирических текста, от-

носителем которых «с большей или меньшей уверенностью можно сказать, что они написаны в Крыму» [2, с. 99]:

1. «*Погасло дневное светило...*», знаменитая элегия, открывшая «байронический» период творчества Пушкина, была, по свидетельству самого поэта, написана ночью на корабле (18–19 августа). Дорабатывал и дополнял её он уже в Кишинёве (сентябре 1820 года).

2. «*Увы, зачем она блистает*» (пометка «Юрзуф, август») в беловом варианте (08. 02. 1821 г., Киев), опубликовано впервые в «Полярной звезде» в 1823 году.

3. «*K****» («*Зачем безвременную скуку...*») в записной книжке отмечена за 19–20 августа. Но напечатана элегия в 1821 году.

4. «*Мне вас не жаль, года весны моей...*» Произведение осталось в рукописи.

Все стихотворения, написанные в Крыму, имеют что-то общее в процессе их создания. В. Б. Сандомирская в альманахе «Временник Пушкинской комиссии» пишет: «Гурзуфским впечатлениям Пушкин обязан целым рядом лирических стихотворений, но характерно, что там Пушкин не дошёл до завершения, до художественной отделки, ни одного из них... нет ни одного беловика, относящегося ко времени между 19 августа и 8 сентября». Исследовательница объясняет это тем, что в Гурзуфе всё его время, начиная с конца августа (после 24-го), было отдано работе над большим замыслом — поэмой «Кавказ», вскоре ставшей поэмой о «Кавказском пленнике» [3, с. 133–138].

Лирику Пушкина вдохновляло не столько пребывание в Крыму, сколько «воображённое воспоминанье» об этом пребывании. В письме к Д. (Дельвигу) он пишет: «Растолкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? Или воспоминание — самая сильная способность души нашей, и им очаровано всё, что подвластно ему?»

Эти «*лирические воспоминания*» Пушкина продолжались около пяти лет. Александр Сергеевич во втором собрании сочинений, вышедшем в 1829 году, представлял написанными в Крыму лирические стихотворения 1820 года. Вот их перечень:

1. Погасло дневное светило. Подражание Байрону.
2. Черная шаль. Молдавская песня.
3. Фонтану Бахчисарайского дворца.
4. Виноград.
5. О дева-роза. Подражание турецкой песне
6. Дориде.
7. Редает облаков летучая гряда.
8. Нереида.

9. Дорида.

10. Ч***ву. С морского берега Тавриды.

11. Дочери Карагеоргия.

Из перечисленных 11 стихотворений — шесть не относятся к указанному году. Ни один из этих текстов не написан в Крыму. И всё же они навеяны именно крымскими впечатлениями. Эту «крымскую симфонию» поэт назвал «Чёрное море» [4, с. 628].

Пушкин в авторском собрании стихотворений, обозначенных 1820 годом, выделяет главную идею — идею красоты, вечной ценности жизни, красоты природы, красоты «девы юной», красоты высоких поступков.

Павел Васильевич Анненков, один из первых биографов поэта, считал, что подлинный Пушкин «начинается с Крыма». Юрий Михайлович Лотман в своей книге «Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя» замечает: «Пребывание в Крыму, несмотря на всю его краткость, сыграло огромную роль в жизни и поэзии Пушкина: к этому времени восходят многие *творческие замыслы и впечатления*, которые потом разрабатывались и трансформировались в сознании поэта» [5, с. 60].

Исследователь «крымского периода пушкинского творчества» Арсений Иванович Маркевич отметил: «Таврида очаровала Пушкина красотами своей природы; она утешила, успокоила его жизнью в кругу милого, благородного семейства, которой он раньше не знал, и возвысила этим его душевный, нравственный мир; она заставила его глубже входить в самого себя, в свою душу, — и возвысила его мирозерцание, и своей священной древностью, своими классическими преданиями она внесла новые струи в его творчество; — и вот почему Таврида для Пушкина имела “прелесть неизъяснимую”» [6, с. 60].

Со времени, когда молодой Александр Сергеевич посетил «полуденный берег», произошли разительные перемены в жизни полуострова, во многом изменилась и природа Южнобережья. Но по-прежнему амфитеатром возвышаются горы, покрытые лесами, всё та же «свободная стихия» Чёрного моря, всё то же яркое южное солнце — всё, что воспел в своих бессмертных творениях гениальный поэт.

И сегодня у фасада старинного дома растут кипарисы, посаженные в 1808 году, а на углу, в парке, красуется любимый кипарис — «друг Пушкина». Шумит листвою могучий платан, посаженный в 1838 году в годовщину гибели поэта.

В 1820 году молодой, полный надежд и устремлений Александр Пушкин 17 дней отдыхал в доме Ришелье в Гурзуфе. Воспоминание об этом счастливым времени, о Крыме он сохранил на всю жизнь. Мечта когда-либо вернуться сюда при жизни не сбылась. Строки из поэмы «Таврида» можно считать поэтическим завещанием поэта:

*Так если удаляться можно
Оттоль, где вечный свет горит,
Где счастье вечно, непреложно,
Мой дух к Юрзуфу прилетит.*

Список использованных источников

1. Переписка А. С. Пушкина. В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1982. (Переписка русских писателей.) Пушкин — А. А. Дельвигу. 23 марта 1821 г. Кишинёв.
2. «Таврида Пушкина» // Учёные записки ЛГУ. — 1949. — № 122. Серия филологических наук. Выпуск 16.
3. Сандомирская В. Б. О первом наброске стихов «Увы! Зачем она блистает» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 20. — Л., 1989.
4. «Сын Отечества» (II, 628). «Чёрное море», 1820.
5. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. — Л., 1982.
6. Маркевич А. И. А. С. Пушкин и Крым // Пушкин в Тавриде // Таврические Губернские ведомости, 1887.

УДК 929(47:44)

КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ И ФРАНЦИЯ

Л. В. Савостьянова¹

*Я не сплю ночами для того,
чтобы другие могли спокойно спать.*

Ж. А. дю Плесси де Ришелье

Цель настоящего исследования — показать вклад Жана Армана дю Плесси де Ришелье, известного под именем кардинала Ришелье, в историю Франции, в развитие образования в этой стране. Для этого имеются основания, т. к. биографы Ришелье достаточно многосторонне изучили жизнь известного человека, его вклад в историю Франции и развитие образования в ней.

Он родился 9 сентября 1585 года в семье главного прево (королевского чиновника) Франции. Крёстными отцами Армана были два маршала Франции Арман де Гонто-Бирон и Жан д'Омон, давшие ему свои имена. Его отец Франсуа дю Плесси, храбрый воин и непрактичный человек, преданно служил королю и почти не занимался собственными делами. В результате, когда в 1590 году прево умер от лихорадки, его вдова осталась почти без средств к существованию и с пятью маленькими детьми на руках. Один из мальчиков дю Плесси должен был стать прелатом (высшее духовное звание). Решено было, что стать прелатом должен Альфонс, замкнутый и очень набожный мальчик. Двое других братьев должны были стать военными: сильный и красивый Анри и болезненный, но весьма честолобивый Арман. Арману, младшему и самому способному из детей, мать дала отличное образование: он учился в Наваррском колледже, где в своё время учились два будущих короля Франции — Генрих III и Генрих IV.

Обучение в Наваррском колледже было преимущественно светским. Ученики изучали грамматику, искусство и философию. Помимо катехизиса, читали Цицерона, Горация, Квинтилиана и других античных авторов. В колледже принято было говорить только на латыни. Программа предусматривала изучение древнегреческого языка, который вошёл в моду благодаря популярным литераторам Бюде, Рамю и Ронсару. Воспитанники колледжа должны были владеть основами стихосложения и прозы. У них развивали способность к полемике и учёному спору. Под

---

¹ *Лариса Владимировна Савостьянова* — младший научный сотрудник отдела «Музей А. С. Пушкина в Гурзуфе» ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник».

руководством преподавателей подростки вели подлинные словесные баталии на заданные темы.

Чаще всего воспитанники коллежа ограничивались двумя циклами обучения — грамматикой и искусствами, рассчитанными на четыре года. Третий двухгодичный цикл — философский — одолевали немногие. Курс философии включал изучение логики и основ наук. Обучение сводилось к чтению в подлиннике и комментированию Аристотеля: в течение первого года молодые люди разбирали «Категории», затем «Аналитики», «Топику» и «Этику»; на втором году цикла — «Физику» и «Метафизику», после чего наступал черед сочинений Евклида. Юных «философов» готовили к публичным выступлениям по широкому кругу научных и теологических вопросов.

Затем Арман учился в военной академии Плювинеля. Программа обучения в академии Плювинеля состояла из верховой езды, танцев, фехтования, математики, гимнастики, рисования. В некоторых случаях к этим дисциплинам добавлялись музыка, история или иностранные языки.

Система обучения в Наваррском коллеже отличалась строгостью и даже суровостью. Независимый характер Армана дю Плесси с трудом мирился с нравами, царившими там. Живой, подвижный, вспыльчивый подросток не выносил принуждения. На него можно было воздействовать только ласками и похвалой, но не угрозами и страхом. «У него были жажда к похвалам и страх получить выговор, что держало его в состоянии постоянного напряжения, — отмечал один из биографов Ришелье аббат Мишель де Пюр. — Он резко выделялся среди своих сверстников. То, что его одноклассники делают по-детски, он делает методично; он отдавал себе полный отчёт во всём, что делал и говорил. Когда его о чём-нибудь спрашивали, он всегда обдумывал ответ и обескураживающими репликами умел предупредить последующие вопросы. Уже в детстве у него обнаружилось сильное стремление к лидерству. Он всегда хотел быть только первым».

Наибольших успехов Арман дю Плесси добился на втором цикле обучения. Ему было всего 12 лет, когда его отметили, выбрав певчим, который должен был сопровождать ректора коллежа Жана Ивона и учёных членов Сорбонны на церемонии посещения усыпальницы французских королей в Сен-Дени.

В числе немногих юный дю Плесси изъявил желание продолжить учёбу на третьем цикле. Он с головой окунулся в изучение философии. Видимо, в память об этом юношеском увлечении кардинал Ришелье открывает в Наваррском коллеже кафедру теологических диспутов в 1638 году.

К моменту окончания коллежа Арман блестяще знал латынь, прилично говорил по-итальянски и по-испански. Подлинной страстью

пытливого юноши стала история. Античную историю он знал во всех деталях и часами мог увлечённо рассказывать о тех или иных событиях прошлого. Познания Армана в этой области не уступали знаниям лучших учёных того времени.

Пребывание в коллеже повлияло на характер Ришелье. Уже в те годы он проявил себя упорным и стойким в самых трудных ситуациях. Тогда же обнаружилось его свойство ничего не забывать и тем более ничего не прощать. Современники свидетельствуют, что от пронизывающего взгляда его больших серых глаз становилось не по себе даже пожилым мэтрам коллежа.

В 1880 году был найден документ, написанный рукой Ришелье в бытность его епископом Люсонским. Документ имел заголовок «Наставления и правила, которыми я должен руководствоваться, чтобы привести себя ко двору». Затаённые честолюбивые мысли и намерения Ришелье выражены в нём в столь откровенной форме, что некоторые историки усомнились поначалу в его подлинности. Внимательное исследование рукописи подтвердило, однако, её подлинность, а Габриэль Аното, наиболее авторитетный биограф Ришелье, установил даже примерное время её написания — конец 1609 — начало 1610 года. Этот документ убедительно свидетельствует о том, что Ришелье никогда не забывал о смысле своего пребывания в Люсоне — о подготовке условий для возвращения в Париж. Этой желанной цели он подчинил буквально каждый свой шаг, каждое своё слово.

Епископ Люсонский говорит о важности поддержки со стороны влиятельных при дворе особ. Необходимо, считает он, регулярно бывать в свете, на званых приёмах и обедах, но не искать этих приглашений самому и постоянно сохранять достоинство. Быть на равных со всеми, не отдавать откровенного предпочтения кому бы то ни было, больше молчать и больше слушать, но не изображать из себя меланхолика или равнодушного; когда кто-то говорит, обнаруживать живой интерес. Собственное мнение излагать уважительно по отношению к собеседнику и ни в коем случае не резюмировать беседу и тем более не выносить осуждающих вердиктов. На светских приёмах говорить только о вещах, «которые не будут скучными для присутствующих и в то же время не представляют интереса для отсутствующих»: самые удобные темы — история и география; в разговоре избегать назидательности и не демонстрировать сверх меры своих познаний. Надлежит быть скромным, сдержанным, не возбуждать подозрений знаниями, выходящими за пределы общеизвестных фактов; демонстрация своих способностей может сослужить плохую службу. Если кто-либо рассказывает что-то новое, нужно без ложного стыда воспользоваться этим для расширения своей культуры, а при случае пересказать услышанную историю.

Тщательно продумывать ответ, чтобы он не принёс ни тебе, ни твоему адресату никакого вреда, даже в перспективе. Запечатывать письма только в последний момент для того, чтобы иметь возможность добавить туда несколько фраз. Опасные письма непременно сжигать, не доверяя их даже тайным шкатулкам. Снимать копии со своих наиболее важных писем и держать их при себе.

Лейтмотивом «Наставлений и правил...» звучит мысль о сдержанности как о главном правиле поведения придворного. Это трудное, но совершенно необходимое для успешной карьеры условие. Тщательно скрывать собственные замыслы и оберегать доверенные чужие секреты. Одно неосторожное слово может разрушить любой, самый хитроумный план. Сдержанность со всеми, включая ближайших друзей, так как именно они могут доставить самые крупные неприятности. «Когда некоторые вещи сорвались с языка или оказались на бумаге, их уже нельзя взять обратно».

Для успешного дебюта на политическом подиуме молодой честолюбец должен проявить не только усердие, умение ладить со светом и даже быть обаятельным, а также выбор женщин. Именно им он обязан своими первыми успехами в политике.

Всё более настойчиво Ришелье ищет выхода на горизонты общегосударственной деятельности.

Первая такая возможность, как ему показалось, появилась в начале 1610 года, когда Генрих IV объявил о предстоящем созыве в Париже генеральной ассамблеи французского духовенства. Но возможность не удалось реализовать.

Самолюбию Ришелье был нанесён удар. Он впал в меланхолию и, покинув свою резиденцию, уединился в приорстве Куссей, где предавался мрачным размышлениям. Тяжёлое душевное состояние немедленно сказалось на его здоровье. Через некоторое время Ришелье взял себя в руки. Случай упущен, но он не может быть последним. Необходимо извлечь уроки из первого поражения и постараться избежать последующих. Епископ вновь во всеоружии и готов к новым испытаниям.

Он возобновляет активную жизнь, расширяя круг знакомств среди местной знати. Именно в это время в жизнь Ришелье войдёт и останется в ней навсегда отец Жозеф, которого современники назовут «серым пресвященством», alter ego кардинала Ришелье. Он сыграл столь важную роль в жизни Ришелье, что заслуживает нашего особого внимания.

Черкасов писал: «Ришелье был не только способный драматург и писатель, но также художник и музыкант, тонкий ценитель культурного наследия прошлого, знаток Античности и Возрождения, меценат и коллекционер. Кардинал Ришелье сделал немало для процветания Сорбонны, он выделил на строительство новых корпусов 52 тысячи

ливров из личных средств и завещал университету свою личную библиотеку, у него была одна из самых богатых библиотек во Франции. “Ma Sorbonne” — “Моя Сорбонна”, — говорил кардинал. Его коллекция картин только в Пале-Кардиналь (ныне Пале-Ройяль) была представлена именами Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Корреджо, Пуссена, Рубенса и многих других выдающихся мастеров».

10 февраля 1635 года королевским эдиктом, написанным Ришелье, была основана Французская академия. Кардинал стал её главой, создав на её основе общий французский культурный центр.

Слово «Академия» происходит от *academia* (лат.) и Ἀκαδημία (др.-греч.). Первоначально это название местности (рощи) в древних Афинах, где с 385 года до н. э. находилась платоновская академия и где, по преданию, был похоронен герой Академ (др.-греч. Ἀκαδημος). Древнегреческий философ Платон преподавал своё учение в школе, расположившейся в этой роще. Такова была высокая научная репутация одного из первых философов человечества, что название небольшой рощицы передалось через многие века и закрепилось за высшими научными учреждениями.

В марте 1634 года был составлен проект одного из самых оригинальных институтов, когда-либо существовавших во Франции, — Французской академии. После соответствующей доработки проект был утверждён Людовиком XIII. Кардинал Ришелье был назначен её первым главой и покровителем. Формально функции академии ограничивались совершенствованием французского языка, в действительности же с самого начала она стала общекультурным центром. Разрабатывая статут академии, Ришелье отказался от узкопрофессиональной её ориентации в пользу общекультурной и даже политической. Он мыслил Французскую академию как своего рода интеллектуальный Олимп. Именно поэтому в числе «сорока бессмертных» наряду с литераторами Шапленом и Конраром оказались канцлер Сегье, дипломаты Ботрю и Сервьен, математик Баше и врач Лашамбр.

До сего дня детище Ришелье принимает в свой состав, помимо наиболее крупных писателей, также политических и военных деятелей, учёных. На исходе XX столетия Французская академия по-прежнему представляет собой своеобразное собрание нотаблей. Способствуя выращиванию интеллектуальной элиты, Ришелье вместе с тем был далёк от того, чтобы поощрять свободу мысли, устранить государство от контроля за духовным развитием общества. На всём протяжении своей политической деятельности он пытался направлять этот процесс в интересах абсолютистского государства. Он ввёл за правило, что литературные произведения, вызывавшие сомнения по части политической благонадёжности, направлялись на заключение во Фран-

цузскую академию. В случае возникновения конфликтов окончательное решение о судьбе произведения выносил сам кардинал Ришелье. Так было и с трагедией «Сид», принадлежащей создателю французского национального классицистического театра Пьеру Корнелью. Ришелье был убеждён, что государственная власть если и не может создавать таланты (в конце концов, это промысел Божий), то просто обязана обеспечивать благоприятные условия писателям, художникам и учёным. Ришелье первым начал осуществлять государственные дотации театру. Традиция эта привилась и жива до сих пор, причём не в одной только Франции. Отдельные театральные труппы при нём получали от 6 до 12 тысяч ливров ежегодных субсидий. Он же стал выплачивать пенсии литераторам, соответственно требуя от них служения не одной только музе, но и государству.

Во французской академии со времён Ришелье состоит ровно сорок человек — «бессмертных» (*фр. les immortels*), согласно девизу Академии, введённому ещё при Ришелье, — «Для бессмертия» (*À l'immortalité*). Когда умирал один из членов Академии (например, Гюго), на его место сразу избирался другой (Леконт де Лиль). Среди сорока бессмертных — выдающиеся деятели литературы, политики, экономики. Избранными могут быть только граждане Франции. Французская писательница Маргерит Юрсенар (1903–1987) явилась первой женщиной, ставшей членом Французской академии в 1980 году.

Итак, факты биографии Ришелье говорят о том, что он очень многое сделал для развития французской культуры и государственности, что это заметная личность в истории.

Список использованных источников

1. Ришелье А. Ж. Мемуары красного герцога. — М.: Эксмо, 2014. — 480 с.
2. Черкасов П. П. Кардинал Ришелье. — М.: «Международные отношения», 1990. — 384 с.

УДК 94(477.75)17/20

ИДЕЯ СОФИОПОЛЯ КАК ОДИН ИЗ ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ КРЫМА В ОДЕССКИХ ПИСЬМАХ (1808–1811) ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА РИШЕЛЬЕ ГРАФИНЕ СОФЬЕ ПОТОЦКОЙ-СТАРШЕЙ

*Т. М. Фадеева*¹

В книге, изданной во Франции, опубликованы впервые письма дюка Ришелье из Одессы, которые были написаны в период его генерал-губернаторства — в 1803–1814 годы². Они собраны в три раздела: 11 писем императрице-матери Марии Федоровне; 88 писем Самуилу Контениусу, чиновнику Ведомства опеки иностранных поселенцев Новороссии; и 67 писем даме исключительной красоты и сложной судьбы, в то время владелице роскошного дворца в Тульчине, графине Софии Потоцкой. Если первые два собрания писем рисуют образ государственного и общественного деятеля, то третье показывает личную жизнь Ришелье. «Письма, которыми они обменивались в течение многих лет, — говорится в предисловии, — не оставляют никаких сомнений в чувствах, которые они питали друг к другу»³.

С 1808 по 1811 год они встречались пять раз: во время путешествия в Крым, которое они вдвоём совершили в 1808 году; во время пребывания Софьи в Одессе весной 1809 года; между городами Яссы и Тульчином в октябре 1809 года; в Тульчине в следующем месяце; и весной 1811 года, когда Ришелье остановился в Тульчине, направляясь в Петербург⁴. Из этого видно, что их отношения были в основном эпистолярными и что жить им пришлось врозь. Каждый из них был связан: один — делами управления, другая — тяжбой из-за наследства. У Софии есть владения в Одессе — строится дом, создается сад. Ришелье заботится о них, София, в свою очередь, посылает саженцы деревьев, винограда, роз для сада Эммануила Осиповича. Аристократический вкус Ришелье к паркам и садам унаследован от Старого режима и сочетается с его романтической привязанностью к природе. Он уделяет

¹ *Татьяна Михайловна Фадеева* — кандидат исторических наук, ведущий сотрудник Отдела истории ИНИОН РАН, Москва.

² *Lettres d'Odessa du duc de Richelieu, 1803–1814 [Texte imprimé] / éditées par Elena Polevchtchikova et Dominique Triaire. Centre international d'étude du XVIII siècle. — Ferney-Voltaire, 2014.*

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же. С. 164.

внимание владениям Софии, которые служат украшению Одессы. Ту же цель преследует проект Софиополя, который соответствует заботам губернатора о развитии Новороссии и Крыма: он называет Софиополь «благодеянием для Крыма»⁵.

В воспоминаниях графа Рошешуара, близкого родственника Ришелье и его адъютанта, отмечено: «Герцог Ришелье любил Крым, и первый из начальников стал проводить там по несколько месяцев. Выбор Гурзуфа делает честь его художественному вкусу»⁶. С 1805 года Ришелье, назначенный губернатором Новороссии, ежегодно, а то и дважды в год, посещает Крым. Прекрасное знание Крыма даже стало основой для иронично-язвительного высказывания Талейрана: «Ни один французский государственный деятель не знает так хорошо крымских дел, как герцог Ришелье».

Его знание Южного берега помогло составить маршрут путешествия Марии Антоновны Нарышкиной, фаворитки Александра I. Нарышкина с 6-летней дочерью Софьей приехала в Одессу летом 1811 года и 5 сентября того же года отправилась в Крым с большой свитой, через Перекоп, Ак-Мечеть, Бахчисарай в Севастополь. «Для дальнейшего пути по южному берегу, — вспоминает Рошешуар, — в Балаклаве было приготовлено 80 верховых лошадей и 50 для перевозки багажа и провизии. Везде нас принимали с великими почестями, самые оригинальные праздники устраивались как бы по волшебству: концерты, балы, спектакли, фейерверки... В Гурзуфе мы оставались 5 дней. Там дамы купались и не могли налюбоваться видом на море»⁷.

В 1808 году Ришелье приобрёл имение «Гурзуф» — участок в 140 десятин за 4 тысяч рублей. Здесь он заложил парк и начал строительство дома. Через три года возведение летней крымской резиденции Ришелье было завершено, и «осенью 1811 года он, вместе с шумной компанией М. А. Нарышкиной с чадами и домочадцами, справил новоселье в новом 2-х этажном доме с бельведером, стоявшем среди низких домиков словно чудный воздушный замок. Погостили всего 5 дней и, увы, более никогда уже Ришелье не бывал в этом доме... Но всегда держал его готовым для встречи гостей. 30 сентября ночевали в Судак. Здесь герцог получил приказание выступить в поход и овладеть портом Суджук-Кале к югу от Анапы. Здесь, в отличие от Крыма, дома для гостей не было, и дамам пришлось ночевать под открытым небом, укрываясь шальями»⁸. Долгое время этот дом служил приютом путешественникам на прекрасном, но пустынном побережье.

⁵ Там же, с. 168.

⁶ Из воспоминаний графа Рошешуара. Извлечения: Rochechouart, Louis-Victor-Lon, comte de. Souvenirs sur la Revolution, l'Empire et la Restauration. Paris, 1889 // Рус. Архив, 1890. кн. 1. Вып. 4. — С. 473–500.

⁷ Там же. С. 483.

⁸ Там же. С. 485.

Остановимся на другом проекте, которым был занят в те годы Эммануил Осипович. В 1807 году в апреле он посещает Тульчин, знакомится с его хозяйкой, к этому времени (с 1805 года) вдовой, графиней Софьей Константиновной Потоцкой⁹, которая рассказывает ему о проекте Софиополя, своего рода «товарищества на паях». Как человек государственный, озабоченный освоением пустынного Южного берега, он увидел в этом инициативу, которую следует всячески поддерживать. В письме от 19 октября 1808 года, сразу после посещения Крыма, он пишет: «89. Вы решительно будете благодетельницей этого края, это мы должны просить вас принять 100 десятин, прошу вас лишь взять на себя труд выбрать их, не все места подходят под насаждения»¹⁰.

Здесь небольшое отступление. София Потоцкая ещё при жизни Потёмкина увидела и оценила крымские красоты, а также получила от светлейшего в дар или иначе многие земли. Но Потёмкин скоропостижно умер, не успев многое оформить юридически. Когда она стала графиней Потоцкой, то продолжала мечтать об усадьбе и парке в Крыму. Но взамен для неё создали прекрасный парк Софиевка, выбрав неподалёку от Тульчина место, где были скалы и камни, чтобы этот парк был похож на Крым, воспроизводил крымские скалы и ущелья.

Однако, как видим, став вдовой в 1805 году, она не оставила крымскую мечту. Но усадьбу с парком сменил проект города-сада. На этот раз её увлекла идея Яна Потоцкого о необходимости создания целого городка — Софиополя. Мы не знаем, продиктовано ли название в честь самой Софии. В мышлении людей того времени имя относилось к тезоименному святому-покровителю.

София увлечённо рекламировала этот проект. Летом 1811 года у неё в Тульчине, по пути в Одессу и Крым, остановилась Мария Антонова Нарышкина с 6-летней дочерью и свитой. Гостивший там граф де Лагард, описывая пышное празднество в честь приезда знаменитой гостьи, фаворитки императора Александра I, в частности, отмечает: «В течение этих трёх дней много было разговоров вокруг плана будущего Софиополя, и мадам Нарышкина проявила к этому живейший интерес. Я уже писал об этом городе, который мадам Потоцкая хочет основать на Южном берегу Крыма...»

Далее граф называет местом будущего города залив Ласпи, Алупку и Симеиз. «Здесь должен подняться Софиополь, создание которого принесёт пользу государству, человечеству и наукам. В самом деле,

⁹ Т. М. Фадеева. Две Софии и Пушкин. Об истоках вдохновения поэмы «Бахчисарайский фонтан». — Симферополь, 2013.

¹⁰ Lettres d'Odessa du duc de Richelieu, 1803–1814 [Texte imprimé] / éditées par Elena Polevchtchikova et Dominique Triaire. Centre international d'étudedu XVIII siècle. — Ferney-Voltaire, 2014. Все последующие письма помечены номером, присвоенным им в этом издании.

с точки зрения наук, Крым более, нежели какая-либо другая страна Европы, создан для привлечения множества путешественников. Здесь можно видеть кельи, высеченные в скалах, которые и сегодня ещё служат убежищем монахам; наконец, жители этих гор сами являются живыми памятниками, требующими изучения... Итак, ты видишь, какой интерес представляет для России этот предполагаемый город, и как друзья мадам Потоцкой должны способствовать проекту, который связывает её имя со столь благородным предприятием»¹¹.

Здесь набросана целая программа научного изучения Крыма, за которой явно чувствуется рука Яна Потоцкого (1761–1815) — выдающегося учёного и писателя своего времени. Именно ему принадлежит написанная в 1810 году небольшая книжка «Софиополис». Ян Потоцкий служил при Александре I в Министерстве иностранных дел. Этот талантливый писатель, историк, лингвист, этнограф много путешествовал. В России, как чиновник министерства иностранных дел, принял участие в посольстве в Китай; совершил путешествие в Астрахань, описав его в книге «Путешествие по астраханским степям и Кавказу» (1829), возвращаясь оттуда через Кавказ и Крым. Однако о пребывании в Крыму сохранились только фрагменты его дневника. Его крымские впечатления, несомненно, отразились в эссе «Софиополь».

«...От Алупки до Симеиза простирается обширная полоса земли между горами и морем. Именно здесь должен расположиться Софиополь, цветущий город, состоящий из 50 хорошеньких домиков и Вокзала. Здесь отдыхающие смогут найти купанье, медицинские услуги, отсутствие снега зимой и пыли летом... Представляется, что во всех отношениях основание Софиополя заслуживает внимания и поддержки правительства»

Выражаясь современным языком, видный учёный, романтик, писатель, Ян Потоцкий предвосхитил идею города-курорта, города-сада и даже наукограда, который, по его мысли, должен был расположиться на местности от Ласпи до Алупки. Быть может, не случайно там возникли, спустя столетие, астрономические обсерватории, предпринимались попытки создания кооператива учёных в Ласпи, Батилимане, Форосе, Симеизе, другие проекты по созданию городов-курортов в самых южных, самых тёплых местах с целебным субтропическим климатом.

С конца XIX по начало XX века в обществе приобрела популярность идея о создании города-сада. Это должен был быть небольшой уютный городок с большим количеством парков и садов, где жизнь текла бы тихо, размерено, без забот, идеальное место для отдыха в Крыму. Такой город-сад должен был стать как бы противовесом для больших быстро

¹¹ Lagarde compte de. Voyage de Moscou a Vienne, par Kiow, Odessa, Constantinople, Bucharest et Hermanstadt. — P., 1824. — P. 107–109.

растущих промышленных капиталистических центров, где люди толпились, суеились среди грязи, болезней и социальных противостояний.

В «Истории всемирной архитектуры» упоминается Новый Симеиз как первый в России опыт строительства в начале XX века города-курорта, города-сада по специально разработанному плану. В 1910 году было основано «товарищество на паях» по приобретению участка земли в Батилимане для строительства дачного посёлка.

Но вернёмся к проекту Софиополя. На будущий 1808 год летом к очередной инспекционной поездке генерал-губернатора Ришелье в Крым присоединилась графиня Потоцкая. В сентябре 1809 года и далее это название регулярно появляется в письмах новороссийского губернатора.

104. Я осмотрел место будущего Софиополя и приказал сделать план этой прекрасной долины. Надо, чтобы вы купили её целиком, это обойдётся вам на 2–3 тысячи рублей дороже, но зато какое прелестное урочище. Прошу лишь только позволить мне купить 1–2 десятины для постройки небольшого дома.

114. ...Я вижу с удовольствием, что вы не упускаете из виду ваше приобретение в Крыму, и что вы дали Бороздину¹² необходимую сумму для покупки этого прелестного уголка земли. Я горячо рекомендую, чтобы он сразу же совершил эту покупку. Если вы сможете приехать ближайшим летом, мы сможем уточнить на месте расположение строений, которые вы захотите там сделать.

Одесса, 28 января 1810¹³.

Далее возникает вопрос цены, которая растёт:

122. Акмечеть, 13 мая 1810.

Вообразите, что татары, которые вначале просили 7 тысяч руб. за владение, которое вы хотите приобрести в Алупке, теперь хотят получить 10 тысяч. Я не знаю, следует ли идти на эту сделку, но вначале я должен сам посетить место и определить территорию, которая должна вам принадлежать.

Ришелье делает план долины и сообщает, что цена ещё подросла. Здесь ему приходит идея о другом месте для проекта Софиополя. В письме об этом он упоминает о существовании «Общества», списка лиц будущих участников Софиополя, общественных учреждениях этого городка-курорта.

¹² Бороздин Андрей Михайлович (1765–1838), с 1807 года назначен Таврическим гражданским губернатором. На полуострове Бороздиным были приобретены имения «Кучук-Ламбат» и «Саблы», ставшие излюбленным местом пребывания русских и иностранных вояжеров по Крыму.

¹³ Lettres d'Odessa du duc de Richelieu, 1803–1814.

123. Одесса 22 июня 1810.

...Посылаю вам план, о котором вы просили, я сам в течение 15 дней исследовал пешком во всех направлениях территорию. Татары ещё не решились на продажу, и, судя по тому, что они мне сказали, цена возрастёт до 10–11 тысяч рублей за необходимый участок земли, то есть 50 десятин садов. Но, когда вместе с Бороздиным мы изучали некоторые участки южного побережья, нам пришла в голову другая мысль. В её пользу говорит список имён тех, кто хочет участвовать в основании Софиополя, и среди них особенно имя адмирала Мордвинова. Долина Ялты, часть которой ему принадлежит, возможно, подошла бы ещё лучше, её променады пространнее и разнообразнее, долина более широкая и лучше подходит к заведению, которое вы проектируете. Надо только убедить адмирала уступить это владение Обществу. Вы примете участие, какое захотите, в общественных учреждениях этого маленького городка, типа Вокзал и Ко, и мы сделаем остальное, разделив лоты на число персон. Адмирал не извлекает почти никакого дохода из этого владения и, пожалуй, согласится продать его за разумную цену. Прошлым и нынешним летом я много раз проезжал по этой долине и восхищён ею. Если такая идея вам нравится, скажите ему об этом; если же нет — я заключу сделку с покупкой садов Алупки. Я ничем не рискую, так как татары едва ли найдут такого хорошего покупателя, как вы.

В письме № 127 Ришелье отсылает план земли и в письме № 128 получает программу Софиополя. Он увлечён проектом освоения Южного побережья с участием избранного общества, но при этом настаивает на долине Ялты: *«Весь Крым с нетерпением ждёт осуществления вашего проекта Софиополя, это составит эпоху в анналах Тавриды. Но поверьте мне, если вы действительно хотите, чтобы это был городок с 50 домиками, вам подойдёт только долина Ялты. Алупка слишком узка и тесна».*

Он торопит графиню с решением, поскольку цены растут.

Но тем временем Софья всё глубже увязает в болото тяжбы из-за наследства. В наследстве после кончины Станислава Щенсного участвовало на равных правах семеро наследников: София, сыновья от первого и второго браков. Мало того, что Софию пытаются лишить доли, её репутацию претенденты всячески стремятся опорочить. Вместо Крыма ей приходится ездить в Петербург. Пожар в её владениях в Тульчине и Житомире летом 1811 года принёс новые расходы и хлопоты.

С 1814 года герцог вновь во Франции, став в 1815 году по предложению российского императора Александра I премьер-министром правительства Людовика XVIII (до 1821 года, с перерывом в 1818–1820 годах).

Любопытно, что название «Софиополь», приуроченное к урочищу Массандры, ещё долго сохранялось и повторялось путешественниками¹⁴.

Ришелье умер бездетным, хотя и был женат, судьба лишила его полноценной семьи. Пятнадцати лет от роду Армана женили на 13-летней дочери герцога де Рошешуар. Подобные браки (сразу по окончании учебного заведения) в ту пору были приняты. Невеста была безобразна и вдобавок горбата. Трудно объяснить его брак иначе, как аристократическими понятиями о чести, о соблюдении брачного договора, заключённого родителями, которых уже не было в живых, тогда как отмена договора о браке повлекла бы скандал и нанесла бы урон чести невесты и оскорбление её семье Рошешуар-Мортемаров, одной из самых родовитых семей Франции. «У Армана все мои достоинства и ни одного из моих пороков» — говорил о своём внуке маршал Ришелье.

По словам их родных, герцог и герцогиня очень уважали друг друга. Но супружеских отношений между ними не было, брак был бездетным. Развестись он не пожелал. Однако отцовские чувства проснулись в его душе при виде пятерых детей Софии. В письмах он всегда вспоминает о них, а со старшим, Александром, завёл переписку. Вот строки из письма, где София сообщила ему, что дети заболели корью: «...Ваше письмо огорчило меня. Сколько ещё затруднений ждёт вас в ваших делах, и мало этого, все ваши дети вдруг заболели. Корь — болезнь не опасная, но требует ухода, чтобы избежать опасных последствий. Нужно долгое время остерегаться холода и даже воздуха, особенно в это время года. Я вправе просить вас, когда вы будете немного свободнее, подробнее написать новости о себе и обо всём, что вас интересует. Расскажите же мне, как подрастают и хорошеют ваши девочки¹⁵, по-прежнему ли Болеслав самый прелестный ребёнок на свете, и, наконец, довольны ли вы Мстиславом и Александром. Все эти подробности чрезвычайно меня интересуют. Говорите мне понемногу о ваших делах с налогами, рекрутами, чумой, о проблемах, которые дурное управление Винницкого не в состоянии упорядочить. Но благодаря порядку и экономии всё можно легко и быстро привести в норму».

Почти все его письма кончаются словами: «Обнимаю ваших детей».

Их мать, прекрасную Софию, он неизменно, употребляя самые куртуазные выражения, заверяет в «нежной дружбе» до конца дней,

¹⁴ «Путешествие» Н. С. Всеволожского. — 1839. — С. 54; *Монтандон К.* Путеводитель по Крыму. Пер. с франц. — 1997. — С. 13; *Муравьёв-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде. В 1820 году. — 1824. — С. 162.

¹⁵ Девочки: Софья, по мужу Киселёва, и Ольга, в замужестве Нарышкина, знакомые Пушкина, в той или иной степени вдохновительницы поэмы «Бахчисарайский фонтан».

но, судя по другим оборотам речи, на склоне лет (в 42 года) он встретил женщину (46 лет), которая стала для него единственной, лучшей, рядом с которой он провёл бы остаток жизни.

95. Что бы ни говорил Северин¹⁶, но я люблю вас вовсе не потому, что вы обосновались в Одессе и приобретаете владения на южном берегу, а потому что вы — мадам София Потоцкая, самая лучшая, самая любезная особа из всех, кого можно здесь встретить, хоть обойди этот край вдоль и поперёк. Я давно составил своё мнение, и никогда не перестану так думать, что бы ни произошло.

107. Мне не терпится сказать вам, как я чувствителен к дружбе, которую вы ко мне проявляете, и как приятно мне было бы провести жизнь близ вас. К сожалению, обстоятельства, в которых мы находимся, не позволяют стремиться к этому счастью. Тем не менее, я часто думаю о вас, и мгновения, когда я могу предаваться этому, суть счастливейшие в моей жизни. Мое путешествие было печальным, после того, как я покинул вас, вам нетрудно это представить, я чувствовал себя таким одиноким... Думая о вас, настоящей доброй фее, испытываешь больше усердия делать добро.

118. Вам известно, сколь высоко ценю я чувство, которое имел счастье внушить вам. Что касается меня, я храню в глубине моего сердца уголок, которым владеете только вы, и в этом нет большой заслуги с моей стороны, поскольку здесь не найдётся никого, кто мог бы его у вас оспаривать, но уверяю вас, что так было бы в любом другом месте, где бы я ни жил.

В планы мирной жизни вторглись грозные события: война 1812 года, зарубежный поход русской армии, 100 дней Наполеона.

154. Вена. 1/13 мая 1815.

... Сейчас я в армии с императором... наблюдаю великие события, которые вторично решают судьбу Европы, после чего возвращаюсь в Одессу, что бы ни случилось, я решил так ещё до того, что произошло во Франции.

Париж, 18 / 30 сентября 1815 года. Из письма вдовствующей императрице Марии Федоровне: «Ваше Величество, возможно, уже знает,

¹⁶ Северин Потоцкий в силу земельных интересов в Новороссии и Крыму имел отношения с Ришелье. Его роль в высшей администрации, близость с Александром I вынуждали его вмешиваться в сложные дела Софии с детьми от первого брака Потоцкого; но он был далеко не беспристрастен, его свояченица Констанция (дочь Щенного от первого брака), жена его брата Жана (Яна), принадлежала к враждебной Софии партии.

что абсолютный приказ короля, и такой же императора заставляет меня остаться во Франции, чтобы занять самый трудный пост, который когда-либо был доверен человеку. Ваше Величество знает, насколько положение, в котором я нахожусь, превышает мои силы, и что принять столь огромную перемену никогда не приходило мне на ум, если бы император не дал мне понять, что в подобных обстоятельствах человек чести должен принести жертву отечеству. Я повиновался его голосу, и если я не вынесу этого испытания, то, по крайней мере, сохраню уважение честных людей. Но я пытаюсь выразить Вашему Величеству отчаяние моего бедного сердца, разлучаясь с обожаемым государем и со страной, к которой считал себя привязанным до конца своего существования».

Одно из последних писем Софии Потоцкой.

155. Париж 1 апреля/ 20 марта 1818 года.

... Спешу поблагодарить вас за то, что сохраняете дружбу ко мне. Верьте, что я этого достоин, и позвольте надеяться, что это продолжится вопреки разлуке и расстоянию. Каким удовольствием для меня было бы видеть вас здесь, но ещё большим, сознаюсь, отдать вам поклон в Тульчине, по пути к Чёрному морю, я сохраняю к нему самую большую привязанность. Когда вы получите это письмо, император будет у вас, я спешу узнать, какое впечатление произвела на него Одесса и сделал ли он что-нибудь для бедного графа Ланжерона.

Ришелье вышел в отставку 13 декабря 1821 года. Испытывая чувство освобождения от обязательств, джук мечтает о возвращении к черноморским берегам. Он пишет Контениусу: «Ничто не доставит мне большего удовольствия, чем снова увидеть края, к которым я испытываю живейший интерес. В мои реальные планы входит отправиться на берега Чёрного моря, и, надеюсь, мой дорогой друг, вы не сомневаетесь, с какой радостью я обниму вас. Я напишу вам, когда смогу прибыть в Одессу, и лещу себя мыслью, что и вы захотите приехать увидеться со мной, после чего мы вместе совершим несколько поездок по стране. Могу уверить вас, что я ещё в состоянии ездить верхом, и даже имею несколько прекрасных лошадей, на которых часто совершаю верховые прогулки».

Но, прожив в отставке менее 4 месяцев, Ришелье скончался 17 мая 1822 года. В этом же году, после тяжёлой болезни, в Берлине, 24 ноября, скончалась графиня София Потоцкая.

УДК 297(477.75)

ДЮК ДЕ РИШЕЛЬЕ И ПРОБЛЕМЫ МУСУЛЬМАН КРЫМА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА: ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

З. З. Хайрединова¹

Присоединение Крыма к Российской империи в 1783 году ставило перед правительством целый ряд задач, в том числе и интеграцию местного мусульманского населения в новое для них правовое поле. В вопросе регулирования взаимоотношений правительства с местным населением Таврической губернии большое значение отводилось мусульманскому духовенству. В правительстве отчётливо понимали, насколько важна роль религиозных служителей в повседневной жизни крымских татар. Статус мусульманского духовенства в Крыму, впрочем, как и всего мусульманского населения полуострова после его включения в состав России, определялся законодательной базой, утверждавшейся российским правительством и получившей отражение на страницах «Полного собрания законов Российской империи». В целом следует констатировать, что вопрос формирования законодательной базы, регулирующей статус и положение всего мусульманского населения Крыма, решался медленно и болезненно.

Определённую роль в решении этих задач сыграл Арман Эммануэль дю Плесси Ришелье. Известно, что он с 1804 по 1815 год занимал должность генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии. Так как Таврическая губерния находилась в ведении Херсонского генерал-губернатора, то и вопросы, связанные с мусульманами Крыма, решались с его участием.

В архивах Симферополя и Санкт-Петербурга хранится целый ряд документов, подтверждающих роль и значение деятельности Ришелье в отношении крымских татар.

Так, например, известно, что Екатерина II своим указом от 23 января 1794 года учредила в Таврической области Магометанское Духовное Правление под председательством Муфтия. В сентябре 1801 года Таврический муфтий Сеит Мегмет эфенди прибыл в Санкт-Петербург и представил императору Александру I докладную записку, которая касалась ряда важных для мусульманской общины Крыма вопросов. Они

¹ *Зарема Зудиевна Хайрединова* — кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологи и религиоведения ФГАО ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

накопились за долгое время и требовали немедленного рассмотрения высшей государственной властью.

О важности разрешения вопроса об открытии Таврического Магометанского Духовного Правления (ТМДП) свидетельствует тот факт, что вскоре херсонский губернатор Ришелье, будучи в августе 1805 года Симферополе, обратился к Таврическому губернатору, действительному тайному советнику Дмитрию Борисовичу Мертваго, с предложением «о лучшем духовной магометанской части устройении и о мнении вашем по сему меня уведомить» [1, с. 330].

Доклад Д. Б. Мертваго, представленный уже через месяц на имя Ришелье от 28 сентября 1805 года, явился следующим шагом в деле открытия ТМДП. Доклад назывался «Штаты духовного правления магометанского закона и правила для производства и о обязанностях духовных, так же копия Высочайших указов, кои имелись основанием при сем сочинении» [1, с. 331]. К сожалению, всё осталось проектом.

В 1806 году Ришелье доложил министру внутренних дел о кончине 1 ноября Таврического муфтия Сеита Мегмет эфендия [2]. На 20 декабря были назначены выборы Таврического муфтия. Организация и приглашение дворян-мусульман для участия в выборах происходит при активном участии Ришелье. Благодаря его действиям уже в феврале был утверждён императорским указом новый Таврический муфтий — Муртаза Челеби эфенди.

19 августа 1809 года муфтий совместно с известными и влиятельными представителями крымскотатарского населения обратился к Таврическому губернатору А. М. Бороздину с просьбой воспользоваться пребыванием в городе Симферополе Ришелье и возобновить вопрос об утверждении штата и правил, представленных в своё время губернатором Д. Б. Мертваго. К сожалению, вопрос открытия духовного управления решался медленно, однако активная переписка Таврических губернаторов с генерал-губернатором де Ришелье свидетельствует о крайней заинтересованности последнего в решении данного вопроса. Нужно заметить, что магометанское духовное правление откроется 29 ноября 1832 года.

В РГИА хранится дело о повинностях крымских татар-поселян. В деле есть письмо херсонского военного губернатора Ришелье на имя министра внутренних дел от 28 июня 1811 года с замечаниями по вопросу о повинностях крымских татар. Данный документ свидетельствует о том, насколько дюк Ришелье был погружён в проблемы мусульман Крыма. Дюк утверждал, что сначала крымские татары отбывали повинность и работали у помещиков от 5 до 8 дней в году. Потом решили увеличить отбытие повинности до 24 дней, и это вызвало протест — татары вообще перестали работать [3].

Среди прочих замечаний Ришелье обращает внимание министра на то, что «отбывание повинностей деньгами, а не натурою, неудобно в Крыму потому что, во-первых, татары большею частью безденежны, не имея промышленности; и во-вторых, что оно послужит к разным затруднительным расчётам, от которых непременно родятся жалобы и тяжбы между помещиками и поселянами. Татары крымские и без того имеют на себе довольно казённых денежных налогов, как-то: на содержание почт, платёж оброка и проч.» [4].

Таким образом, можно констатировать, что внимание и действия Ришелье по поводу судьбы крымских татар начала XIX века были значимыми, о чём свидетельствуют архивные документы и воспоминания современников: «Человек радушный, добрый, гостеприимный, он оставил у местных жителей о себе светлую память — “татары произносят имя Ришелье с умилением”» [5].

Список использованных источников

1. Александров И. К истории учреждения Таврического магометанского духовного правления (1794) // ИТУАК. — 1918. — № 54.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1286, оп. 1, д. 132, л. 1–3.
3. РГИА, ф. 1285, оп. 3, д. 208, л. 59.
4. РГИА, ф. 1285, оп. 3, д. 208, л. 385.
5. Бертъе-Делагард А. Память о Пушкине в Гурзуфе. — СПб., 1913. — С. 124.
6. Дом Ришелье в Гурзуфе. Режим доступа: <http://gurzufmuseum.com/dom-rishele.html>

Знак информационной
продукции **16+**

Научное издание

Коллектив авторов

**VI НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ДНИ РИШЕЛЬЕ В ГУРЗУФЕ»
сборник научных трудов**

Ответственный редактор: *Т. В. Джакаева*

Научный редактор: *О. О. Пернацкая*

Составители: *Т. В. Джакаева, Л. В. Савостьянова*

Редакторы: *Л. П. Авдонина, Л. В. Савостьянова, Ю. Г. Долгополова*

Корректор: *Т. С. Кравцова*

Макет и компьютерная верстка *А. В. Пинчук*

Художественный редактор *Н. В. Дымникова*

ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»

Макет подписан 30.07.2021.

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 5,1.

ГБУК РК «Крымский литературно-художественный
мемориальный музей-заповедник»,
Республика Крым, г. Ялта, ул. Кирова, д. 112,
yalta-museum.ru

Электронная версия

ISBN 978-5-6046175-4-0

9 785604 617540